

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Что делать, когда
вера сменяется
наваждением?

Los Angeles Times
Book Review

КОЖА
ДЛЯ БАРАБАНА

Артуро Перес-Реверте

Кожа для барабана

Серия «Большой роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120388

*Кожа для барабана, или Севильское причастие: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2021
ISBN 978-5-389-20332-7*

Аннотация

Классический роман прославленного Артуро Переса-Реверте, автора таких международных бестселлеров, как «Фламандская доска», «Клуб Дюма» (литературная основа «Девярых врат» Романа Полански с Джонни Деппом), семитомные приключения капитана Алатристе (экранизация с Виго Мортенсенем) и т. д. «Кожа для барабана» отчасти напоминает «Имя розы» Умберто Эко и в то же время – «Поющих в терновнике» Колин Маккалоу. Неизвестный хакер проникает в личный компьютер папы римского и оставляет сообщение о севильской церкви, которая «убивает, чтобы себя защитить». Секретная служба Ватикана отряжает в Севилью эмиссара по особым поручениям, и отец Лоренцо Куарт погружается в хитросплетения церковной политики и большого бизнеса. Он вынужден не только вести детективное расследование, но и противостоять плотским соблазнам, причем последнее оказывается тяжелее всего...

Содержание

I	12
II	59
III	111
IV	163
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Артуро Перес-Реверте Кожа для барабана, или Севильское причастие

© Н. С. Кириллова (наследник), перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Амайе – за ее дружбу.

*Хуану – за то, что заставлял меня работать
без передышки.*

Родольфо – он сам знает, за что.

* * *

Все персонажи настоящего романа – священники, банкиры, пираты, герцогини и мошенники – являются вымышленными, как и описываемые в нем события, так что какое бы то ни было сходство их с реальными лицами и фактами следует считать случайным. Здесь все – выдумка, за исключением сцены, на которой разворачивается действие. Никто

не смог бы выдумать такого города, как Севилья.

* * *

Хакер¹ проник в центральную компьютерную систему Ватикана за одиннадцать минут до полуночи. Через тридцать пять секунд один из мониторов, соединенных с основной сетью, подал сигнал тревоги. Легкое мигание на его экране означало, что в ответ на вторжение извне автоматически включился контроль безопасности. Затем в углу экрана появились буквы *НК*, и дежурный иезуит, оторвавшись от обработки данных последней переписи населения Ватикана, снял телефонную трубку, чтобы проинформировать начальника службы.

– У нас тут гость, – сообщил он.

Застегивая на ходу сутану, отец Игнасио Арреги, также иезуит, вышел в коридор и торопливо, почти бегом, преодолел полсотни метров, отделявшие его комнату от машинного зала. Он был худ, даже костляв; скрип его ботинок громко отдавался в полумраке под расписными сводами коридора. Мельком глянув в окно на пустынную в этот час Виаделла-Типография и на темный фасад Бельведерского дворца, отец Арреги тихонько выругался сквозь зубы. Он злился больше из-за того, что его разбудили, едва он успел за-

---

¹ Хакер – взломщик компьютерных программ. (Здесь и далее прим. перев.)

снуть, чем из-за вторжения. Хакеры занимались этим частенько, не нанося, впрочем, сколько-нибудь значительно вреда. Обычно они не проникали дальше внешней границы системы безопасности, оставляя в качестве свидетельства своего визита небольшое послание или безобидный вирус: плод тщеславного стремления заявить о себе. В основном это были совсем зеленые юнцы – любители путешествовать по телефонным линиям, испытывая на прочность чужие системы: а ну как повезет, а ну как удастся пробраться в Чейз-Манхэттен-банк, в Пентагон или Ватикан? От таких приключений у них просто дух захватывало.

Дежурным по компьютерному залу в ту ночь был отец Куи, полный молодой ирландец. Озабоченно хмурясь и щуря глаза за стеклами очков, он прямо-таки припал грудью к клавиатуре, следя за продвижением хакера. Когда подошел отец Арреги, он поднял голову и лицо его, наполовину освещенное снизу настольной лампой, выразило облегчение.

– Как хорошо, что вы пришли, падре!

Вновь прибывший оперся руками о стол отца Куи и внимательно взгляделся в экран дисплея, на котором помаргивали красные и синие значки. Система автоматического поиска цепко держала сигнал взломщика.

– Что-нибудь серьезное? – вполголоса спросил отец Арреги.

– Возможно, да.

За последние два года нечто действительно серьезное про-

изошло лишь однажды, когда очередной хакер запустил в ватиканскую сеть вирус, который, размножаясь, полностью заблокировал всю систему. Ее очистка и ликвидация последствий обошлись в полмиллиона долларов, а пиратом, как выяснилось в результате долгих и сложных поисков, оказался шестнадцатилетний парнишка из маленького поселка где-то на побережье Голландии. Было, правда, еще несколько попыток внедрения вирусов или программ-убийц, но их удалось пресечь в самом начале. В одном случае «пошалил» молодой мормон из Солт-Лейк-Сити, в другом – общество исламистов-интегрисов с штаб-квартирой в Стамбуле, в третьем – свихнувшийся на почве воздержания священник-француз. Он сидел в психушке и, пользуясь по ночам местным компьютером, за полтора месяца успел внедрить в сорок два ватиканских файла вирус, который забивал экраны дисплеев отборной руганью на латыни.

Отец Арреги ткнул пальцем в мигающий красный квадратик курсора:

– Это он?

– Да.

– Как вы его назвали?

Чтобы облегчить отслеживание нарушителя и установление его личности, они присваивали каждому условное обозначение, нередко «посетитель» оказывался старым знакомым. Отец Куи указал на строчку в правом нижнем углу экрана:

– «Вечерня». Это первое, что пришло мне в голову, когда я взглянул на часы.

На мониторе погасло несколько сигналов, вместо них зажглись другие. Внимательно взглядевшись в них, отец Куи легким движением пальцев шевельнул «мышку». Курсор перепрыгнул к одному из новых символов и дважды мигнул. Теперь, когда рядом находился начальник, вся ответственность автоматически ложилась на его плечи, так что отец Куи мог позволить себе сбросить напряжение предыдущих минут и уже более спокойно следить за продвижением непрошеного гостя. Для специалиста высокого класса, каким являлся этот совсем еще молодой человек, вторжение хакера всегда означало вызов его профессионализму.

– Он здесь уже десять минут, – произнес Куи, не отрывая глаз от экрана, и отцу Арреги почудилась в его голосе нотка сдержанного восхищения. – Вначале просто пошарил снаружи, обследуя входы, потом буквально одним прыжком проник внутрь. Дорогу он уже знал – наверняка бывал у нас раньше.

– Какие у него намерения?

Отец Куи пожал плечами:

– Не знаю. Но работает он классно и быстро, притом пользуется тройной системой, чтобы обойти нашу защиту: начинает с самого безобидного, потом роет глубже, потом влезает в наш список пользователей... – Не договорив, молодой иезуит чуть скривил губы, чтобы согнать с них неуместную

при данных обстоятельствах улыбку. – Вот сейчас он ищет вход в ИНМАВАТ.

Отец Арреги выбил обеспокоенную дробь ногтями на одном из руководств по информатике, занимавших почти всю поверхность стола. Аббревиатура ИНМАВАТ обозначала засекреченный список высших должностных лиц ватиканской курии, войти в который можно было лишь при помощи особого кода, державшегося в глубочайшей тайне от непосвященных.

– Может быть, подключить сканер слежения? – предложил он.

Отец Куи мотнул подбородком в сторону другого монитора, экран которого светился на соседнем столе. Движение означало: «Я уже подумал об этом». Эта система, соединенная с каналом связи полиции и телефонной сетью Ватикана, регистрировала все данные о хакере и его продвижении; в ней имелась даже особая ловушка – нечто вроде лабиринта, выбраться из которого было не так-то легко, а за это время взломщика успевали засечь и опознать.

– Это мало что даст, – отозвался Куи через несколько секунд. – Вечерня здорово закамуфлировал то место, где вошел в нашу систему. Он скачет с одной телефонной линии на другую, и всякий раз, как он делает очередной прыжок, приходится просматривать всю ее до самого исходного пункта... Для того чтобы мы успели что-то сделать, он должен пробыть здесь достаточно долго. И при всем при том, если он задался

целью устроить нам какую-нибудь гадость, он ее устроит.

– А какую другую цель он может иметь?

– Не знаю. – На губах молодого священника вновь обозначилась чуть заинтересованная, чуть ироническая усмешка, но она исчезла, лишь только он поднял голову. – Иногда они занимаются этим просто из любопытства, иногда оставляют какое-нибудь послание типа: «Здесь побывал капитан Зэп», вы же знаете. – Он сделал паузу, всматриваясь в экран монитора. – Хотя, надо заметить, для простого мелкого хулигана этот что-то уж слишком усердствует.

Отец Арреги дважды машинально кивнул, целиком поглощенный движением сигнала по экрану. Затем, словно придя в себя, взглянул на телефон, выхваченный из полумрака конусом света настольной лампы, и протянул было к нему руку, но задержал ее на полпути:

– Вы полагаете, ему удастся проникнуть в ИНМАВАТ?

Куи кивком указал на экран своего дисплея:

– Он уже проник. Только что.

– О господи...

Теперь светящийся алым курсор мигал с бешеной скоростью, пробегая одну за другой движущиеся по экрану строчки.

– Ну, он мастер, – произнес отец Куи, уже не пытаясь скрыть своего восхищения. – Да простит меня Господь, он действительно мастер. – Ирландец помедлил и закончил с улыбкой: – Это просто черт какой-то.

Забыв о клавиатуре, он оперся обоими локтями о столешницу и прямо-таки впился глазами в экран, по которому проходил секретный список во всей своей красе: восемьдесят четыре кардинала и высших чиновника, обозначенные каждый соответствующим кодом. Курсор пробежался по списку сверху вниз, потом еще раз и, мигнув, остановился напротив строчки, где стояло: V01A.

– Ах мерзавец, – пробормотал отец Арреги.

Смена символов на экране означала, что хакер взломал систему безопасности и загоняет в память компьютера довольно объемистое послание.

– Кто такой V01A? – спросил Куи.

Отец Арреги не спешил с ответом. Расстегнув стоячий воротник своей сутаны, он провел ладонью по затылку и снова недоверчиво взглянул на экран монитора. Потом медленно поднял трубку телефона и, поколебавшись еще мгновение, набрал номер секретариата Апостольского дворца, предназначенный для экстренных случаев. Лишь после седьмого гудка несколько сонный голос ответил ему по-итальянски. Тогда отец Арреги откашлялся и кратко, по-военному сообщил, что хакер только что проник в личный компьютер его святейшества папы.

I

Человек из Рима

*Не зря опоясан мечом. То посланец Господа.
Бернард Клервоский². Похвальное слово новому
воинству рыцарей храма³*

Лоренсо Куарт получил приказ о поездке в Севилью в самом начале мая. Циклон перемещался по направлению к восточной части Средиземного моря, и в то утро ливень так и хлестал по римской площади Святого Петра, так что Куарту пришлось описать полукруг, укрываясь от воды под колоннадой Бернини. Приближаясь к Бронзовым воротам, он заметил, что часовой, чья фигура с алебардой в руке выделялась на фоне слабо освещенного коридора, отделанного мрамором и гранитом, уже присматривается к нему, готовый остановить. Это был швейцарский гвардеец, высокий и мощ-

---

² *Бернард Клервоский* (1090–1153) – бургундский аббат, глава ордена цистерцианцев, проповедник священной войны против «неверных» – мусульман, вдохновитель Второго крестового похода. Современники называли его «чудовищем нашего столетия». Позже причислен к лику святых.

³ *Рыцари храма* («Бедные рыцари Христа и Соломонова храма») – члены военно-религиозного ордена, основанного в Палестине в 1118–1119 гг. Его учреждению содействовал Бернард Клервоский. Вступая в орден, храмовники, или тамплиеры (от *фр.* temple – храм), давали три обета: целомудрия, бедности и послушания.

ный, облаченный в полосатую красно-желто-синюю форму времен эпохи Возрождения и с черным беретом на крупной бритой голове. Он с любопытством обзирал темный, безупречного покроя костюм Куарта, черную шелковую рубашку со стоячим воротничком и черные же, ручной работы ботинки из тонкой кожи. Ничего общего, говорил этот взгляд, с одетыми в серое *bagarozzi* – чиновниками сложного ватиканского аппарата, проходящими тут каждый день. Но с другой стороны, читалось в светлых глазах недоумевающего швейцарца, этот человек не принадлежит и к числу аристократов курии – прелатов и монсеньоров, на чье высокое положение указывает хотя бы крест на груди, пурпурная кайма на одежде или перстень на руке. Такие персоны не приходят пешком под дождем: они прибывают в Апостольский дворец с другой стороны – через врата Святой Анны, в комфортабельных лимузинах с шофером. Кроме того, мужчина, учтиво остановившийся перед часовым и доставший из кармана черный кожаный бумажник, чтобы, порывшись среди кредитных карточек, вынуть и предъявить свое удостоверение личности, был слишком молод для подобного сана, хотя в его по-военному коротко подстриженных волосах довольно густо пробивалась седина. Профессионально цепкий взгляд швейцарца отметил: вновь прибывший очень высок ростом, худ, уверен в себе. Ухоженные ногти, часы с белым циферблатом, простые серебряные запонки. Возраст – вряд ли больше сорока.

– *Guten Morgen. Wie ist der Dienst gewesen?*⁴

Однако не эти слова, произнесенные на отличном немецком языке, заставили часового вытянуться по-уставному и отсалютовать алебардой, а буквы ИВД, оттиснутые, вместе с тиарой и ключами святого Петра, в верхнем правом уголке удостоверения, предъявленного ему незнакомцем. В толстом красном томе Ватиканского ежегодника Институт внешних дел фигурировал как один из отделов департамента Государственного секретаря, однако даже самому зеленому из новобранцев Швейцарской гвардии было известно, что на протяжении двух веков он являлся карающей десницей инквизиции, а в наши дни координирует всю тайную деятельность Службы информации Ватикана. Члены курии, большие искусники по части эвфемизмов, обычно именовали его *Левой рукой Господа*. Другие ограничивались названием (никогда, впрочем, не произносимым вслух) «Департамент грязных дел».

– *Kommen Sie herein*⁵.

– *Danke*⁶.

Пройдя мимо часового в старинные Бронзовые врата, Куарт свернул направо, миновал широкую лестницу Скала-Реджиа и, задержавшись на несколько секунд у бюро аккредитации, взбежал, перешагивая через одну, по гулким

---

⁴ Доброе утро. Как дежурство? (нем.)

⁵ Проходите (нем.).

⁶ Спасибо (нем.).

мраморным ступеням другой лестницы, в конце которой, за стеклянной дверью, охраняемой другим часовым, находился двор Святого Дамасо. Куарт пересек его по диагонали, под дождем и взглядами гвардейцев, которые, ежась под своими синими плащами, стояли у всех дверей Апостольского дворца. Он поднялся по еще одной, на сей раз короткой, лестнице и остановился на предпоследней ступеньке, перед дверью, рядом с которой была привинчена скромная металлическая табличка: *Instituto per le Opere Esteriori*⁷. Здесь Куарт достал из кармана бумажный носовой платок, вытер со лба и щек дождевые капли, затем протер им ботинки и, скатав его в шарик, бросил в стоявшую на площадке латунную пепельницу. Лишь после этого, проверив состояние черных манжет своей рубашки и одернув пиджак, он постучал в дверь. В отличие от других священников Лоренсо Куарт прекрасно сознавал свои слабые стороны в плане добродетелей более или менее теологического характера: к примеру, милосердие и сострадание были не слишком-то свойственны ему. Как, впрочем, и смирение, несмотря на его дисциплинированную натуру. Однако ему в полной мере были присущи пунктуальность и тщательность, что делало его весьма ценным кадром в глазах вышестоящих. Люди, ожидавшие его за этой дверью, знали: отец Куарт точен и надежен, как швейцарский нож.

В то утро все здание осталось без электричества, так что

---

⁷ Институт внешних дел (*ит.*).

единственным источником света в кабинете было распахнутое в сад Бельведера окно, сквозь которое сочилась тусклая сероватая муть. Пока секретарь закрывал дверь за вошедшим, Куарт, сделав пять шагов от порога, очутился точно в центре комнаты, среди знакомых стен, расписанных Антонио Данти при папе Григории XIII. Фрески изображали карты Адриатического, Тирренского и Ионического морей, но почти скрывались за бесчисленными полками, заставленными множеством книг и папок. Ничем не показывая, что заметил силуэт, вырисовывавшийся против света на фоне окна, Куарт коротко наклонил голову в сторону большого письменного стола, приветствуя человека, сидевшего за ним среди груд папок с документами.

– Монсеньор, – произнес он.

Архиепископ Паоло Спада, директор Института внешних дел, ответил ему дружеской, но сдержанной улыбкой. То был пожилой ломбардец с массивной, почти квадратной фигурой; его мощные плечи так и распирали черный костюм-тройку, ничем не выдававший сана его владельца. Со своей крупной головой и бычьей шеей архиепископ Спада походил скорее на шофера грузовика, на борца или (с учетом того, что дело происходило в Риме) на ветерана-гладиатора, сменившего короткий меч и мирмидонский шлем на темные одежды священнослужителя. Это впечатление дополнительно усиливалось благодаря его еще черным, жестким, как щетина, волосам и огромным рукам – ручищам (без архи-

епископского перстня), которые в этот момент поигрывали бронзовым ножом для разрезания бумаги, похожим на кинжал. Им Спада и указал на силуэт у окна:

– Полагаю, вы знакомы с кардиналом Ивашкевичем.

Только после этого, и ни секундой раньше, Куарт посмотрел направо и наклоном головы приветствовал неподвижную фигуру. Разумеется, он знал его высокопреосвященство Ежи Ивашкевича, епископа Краковского, поднятого до кардинальского пурпура его соотечественником – папой Войтылой, и префекта Священной конгрегации по делам учения о вере, известной до 1965 года под именем инквизиции. Ни Ивашкевича – даже в виде худого темного силуэта на фоне окна, – ни то, что он представлял, невозможно было спутать ни с кем и ни с чем.

– *Laudatur Jesus Cristus*⁸, ваше высокопреосвященство.

Глава инквизиции не ответил на приветствие: он не пошевелился, не произнес ни слова. Воцарившееся молчание нарушил хрипловатый голос монсеньора Спады:

– Если хотите, можете сесть, отец Куарт. Встреча у нас сегодня официозная, так что его высокопреосвященство предпочитает стоять.

Он так и сказал по-итальянски: *ufficioso*, и Куарт уловил этот оттенок. В специфическом ватиканском языке разница между *ufficiale* и *ufficioso* была весьма ощутимой. *Ufficioso* означало вещи, которые думаются, но не говорятся, а если

---

⁸ Хвала Иисусу Христу (*лат.*).

даже и высказываются вслух, то впоследствии никто и никогда не признает этого. Но даже зная, как обстоят дела, Куарт, взглянув на стул, который движением руки с кинжалом предложил ему архиепископ, качнул головой, отклоняя приглашение, и остался стоять посреди комнаты, спокойно и свободно, заложив руки за спину, как солдат, ожидающий приказа.

Монсеньор Спада одобрительно взглянул на него, сощурив хитрые глаза, белки которых покрывала целая сеть коричневых жилок, как бывает у старых собак. Из-за этих глаз, массивного тела и жестких, словно щетка, волос его прозвали Мاستифом, но именовать его так – да и то шепотом – осмеливались лишь самые видные и надежные члены курии.

– Рад снова видеть вас, отец Куарт. Мы давно не встречались.

Два месяца, припомнил Куарт. Тогда в этом кабинете их тоже было трое: они оба и известный банкир Ренцо Лупара, президент итальянского банка «Континентале» – одного из тех, с которыми тесно связан финансовый аппарат Ватикана. Лупара, красавец и щеголь, обладатель безупречной репутации и счастливый семьянин, которого небо благословило очаровательной спутницей жизни и четырьмя детьми, сделал себе состояние, используя ватиканскую «крышу» для перекачивания в собственные сейфы денег предпринимателей и политических деятелей – членов масонской ложи «Аврора-7», в коей сам он занимал тридцать третью ступень. Ло-

ренсо Куарт специализировался по мирским делам как раз подобного рода; посему в течение шести месяцев он изучал следы, оставленные Лупарой на коврах кое-каких кабинетов в Цюрихе, на Гибралтаре и Сан-Бартоломе (Антильские острова). Результатом его поездок явился исчерпывающий доклад, легший на стол директору Института внешних дел и тем самым поставивший банкира перед выбором: тюрьма либо благоразумный *exitus*⁹, позволяющий сохранить доброе имя банка «Континентале», Ватикана и – по возможности – синьоры Лупары и ее четырех отпрысков. Сидя в кабинете архиепископа и уставив невидящий взгляд расширенных глаз на фреску с изображением Тирренского моря, злосчастный банкир уловил суть того, что весьма тактично излагал ему монсеньор Спада, подкрепляя свою речь цитатами из библейской притчи о злом рабе. Лупара не внял заботливому напоминанию о том, что масон, покидающий этот мир без покаяния, совершает смертный грех; выйдя из кабинета, он прямоком отправился на свою великолепную виллу на острове Капри, где и свалился (по всей видимости, нераскаянным) с одной из террас, расположенных на самом краю обрыва. Если верить укрепленной там мемориальной табличке, когда-то на этом самом месте выпил рюмку вермута, созерцая дивный пейзаж, Курцио Малапарте.

– Есть подходящее дело для вас.

Куарт продолжал стоять неподвижно в центре комнаты,

---

⁹ Уход (лат.).

ожидая дальнейших слов начальника и ощущая на себе взгляд Ивашкевича из оконной ниши. На протяжении последних десяти лет у архиепископа Спады всегда находилось подходящее дело для священника Лоренсо Куарта, и каждое из этих дел было отмечено именами и датами – Центральная Европа, Латинская Америка, бывшая Югославия – в черной кожаной записной книжке, которая служила Куарту чем-то вроде путевого журнала, отражавшего день за днем долгий путь, пройденный им с момента принятия ватиканского гражданства и начала работы в оперативном отделе Института внешних дел.

– Взгляните-ка на это.

Директор ИВД поднял, держа пальцами за краешек, лист бумаги с текстом, напечатанным принтером компьютера. Куарт протянул было руку, но в этот момент силуэт кардинала Ивашкевича беспокойно дернулся на фоне окна. Не опуская руки с листом, монсеньор Спада усмехнулся уголком рта:

– Его высокопреосвященство полагает, что эта тема весьма деликатного свойства, – проговорил он, глядя на Куарта; но было очевидно, что слова его адресованы кардиналу. – И он не убежден, что расширение круга посвященных является разумным шагом.

Куарт опустил руку, так и не коснувшись все еще протягиваемой ему Спадой бумаги, и спокойно, выжидающе взглянул на начальника.

– Разумеется, – прибавил архиепископ, усмехаясь теперь

одними глазами, – его высокопреосвященство знает вас гораздо меньше, чем я.

Куарт едва заметным кивком выразил свое согласие и продолжал стоять, не задавая вопросов и не выражая нетерпения. Монсеньор Спада повернулся к кардиналу Ивашкевичу:

– Я же говорил вам, что он хороший солдат.

На некоторое время воцарилось молчание. Силуэт у окна не шевелился, тускло маяча на фоне покрытого облаками неба и серого сквозь завесу дождя сада Бельведера. Затем кардинал сделал шаг от окна, и неяркий свет пасмурного утра, косо упав на его плечо, обрисовал костистый подбородок, пурпурный ворот сутаны, слабо скользнул по золоту наперсного креста и по камню пастырского перстня, когда кардинал протянул руку, взял у монсеньора Спады документ и сам передал его Лоренсо Куарту:

– Прочтите.

Куарт подчинился приказу, произнесенному по-итальянски с гортанным польским выговором. Лист распечатки содержал короткое послание:

Святой отец!

Оправданием подобной дерзости да послужит серьезность дела, о котором идет речь. Порой трон Святого Петра оказывается слишком далек, и голоса малых сих не достигают его. В Испании, в Севилье, есть место, где менялы угрожают Дому Господа и где маленькая церквушка XVII века, покинутая как церковной, так и светской властью, убивает, дабы

защитить себя. Умоляю Ваше Святейшество, как пастыря и отца, склонить взор свой на смиреннейших из своей паствы и взыскать с тех, кто оставляет их на произвол судьбы.

Молю Вашего благословения во имя Господа нашего Иисуса Христа.

– Это оказалось в личном компьютере папы, – пояснил монсеньор Спада, заметив, что его подчиненный кончил читать. – Без подписи.

– Без подписи, – механически повторил Куарт. Это была его привычка – повторять отдельные слова вслух, подобно тому как рулевые и младшие офицеры повторяют приказы командира; делая это, он словно бы предоставлял себе – или другим – возможность обдумать сказанное. В его мире некоторые слова были равносильны приказам. А некоторые приказы – порой всего лишь интонация, оттенок, улыбка – могли иметь последствия, безо всякой натяжки подходящие под определение «роковых».

– Наш непрощенный гость, – продолжал архиепископ, – принял меры к тому, чтобы скрыть свое местонахождение. Однако удалось установить, что послание отправлено из Севильи с помощью компьютера, подключенного к телефонной сети.

Куарт еще раз, теперь внимательнее, прочел переданную ему бумагу.

– Здесь говорится о какой-то церкви... – начал он и оста-

новился, ожидая, что кто-либо из присутствующих закончит фразу за него. Слишком уж нелепым ему показалось произвести вслух подобное.

– Да, – подтвердил монсеньор Спада. – О церкви, которая *убивает, дабы защитить себя*.

– Это ужасно, – прокомментировал Ивашкевич, не уточнив, впрочем, что конкретно он имел в виду.

– Как бы то ни было, – прибавил архиепископ, – мы выяснили, что это правда. То есть что эта церковь действительно существует. – Он метнул быстрый взгляд на кардинала и провел ногтем по лезвию ножа. – И что пару раз там действительно произошло нечто не совсем обычное и малоприятное.

Куарт положил документ на стол шефа, но тот не взял бумагу, а лишь глазами проследил траекторию ее движения, как будто прикосновение к ней было чревато сомнительными последствиями. Тогда подошел Ивашкевич, забрал листок и, сложив его вчетверо, сунул в карман. Затем повернулся к Куарту:

– Мы хотим, чтобы вы отправились в Севилью и установили личность автора.

Теперь они стояли лицом к лицу, почти вплотную настолько, что Куарт ощутил кожей щек дыхание Ивашкевича, и от близости этого человека его внутренне передернуло. Он выдержал его взгляд в течение нескольких секунд, затем, усилием воли подавив непреодолимое желание отодвинуть-

ся на шаг, поверх плеча кардинала перевел глаза на монсеньора Спаду, который мгновенной, едва заметной улыбкой поблагодарил его за это проявление лояльности к церковной иерархии.

– Говоря во множественном числе, – пояснил архиепископ из своего кресла, – его высокопреосвященство, разумеется, имеет в виду себя и меня. А также волю более высокую, чем наша: волю его святейшества папы.

– Которая является волей Господа нашего, – почти вызывающе уточнил Ивашкевич. Его холодные черные глаза продолжали в упор смотреть на Куарта.

– Которая действительно является волей Господа нашего, – подтвердил монсеньор Спада тоном, в котором невозможно было уловить даже намека на иронию. Невзирая на всю власть, сосредоточенную в его руках, директор Института внешних дел прекрасно сознавал, где кончаются границы дозволенного, и взгляд, брошенный им на подчиненного, говорил: осторожно, на этой территории опасность грозит нам обоим.

– Понимаю, – произнес Куарт и, снова оперевшись глазами в глаза кардинала, коротко, по-военному четко кивнул.

Выражение лица Ивашкевича стало менее напряженным, а монсеньор Спада за его спиной одобрительно усмехнулся:

– Я же говорил вам, что отец Куарт...

Поляк прервал архиепископа движением руки с кардинальским перстнем:

– Да-да, я знаю. – Он еще раз в упор взглянул на священника и, словно решив, что теперь уже излишне отгораживать его от стола Спады, опять отошел к окну. – Вы уже говорили мне это – и сейчас, и прежде. Говорили, что он хороший солдат.

Произнеся эти слова иронически-усталым тоном, каким говорят о надоевшем, он устремил взгляд за окно, на поливаемый дождем сад, как будто желая сказать: все, больше это дело меня не касается. Положив нож на стол, монсеньор Спада выдвинул один из его ящичков и вынул толстую синюю картонную папку.

– Установить личность автора письма – это только часть работы, – начал он, положив папку перед собой. – Каковы ваши первые выводы по нему?

– Его мог написать человек, связанный с церковью, – без колебаний ответил Куарт и, чуть помолчав, добавил: – Возможно, он сумасшедший.

– Да, это не исключено. – Монсеньор Спада открыл папку и полистал лежавшие в ней газетные вырезки. – Но совершенно очевидно, что в компьютерном деле он ас, а факты, о которых он упоминает, действительно имели место. С этой церквушкой на самом деле есть проблемы. Плюс те, что создает она сама. Две смерти за последние три месяца... Это пахнет скандалом.

– Это пахнет кое-чем похуже, – проговорил кардинал, не оборачиваясь: снова всего лишь худой темный силуэт на се-

ром фоне дождя.

– Его высокопреосвященство, – пояснил директор ИВД, – сторонник того, чтобы этим делом занялась Конгрегация. – Он сделал многозначительную паузу и закончил: – Как в старые времена.

– Как в старые времена, – повторил Куарт.

Он не испытывал симпатии ни к старому, ни к новому стилю работы Конгрегации по делам учения о вере, и на то, в добавление ко всем прочим, у него имелись и собственные причины. На мгновение в одном из уголков его памяти высветилось лицо Нелсона Короны, бразильского священника из трущоб, одного из тех людей Церкви освобождения, в чей гроб, что называется, и сам он вколотил несколько гвоздей.

– Наша проблема, – продолжал монсеньор Спада, – заключается в том, что его святейшество желает расследования согласно установленному порядку, однако полагает, что подключать к нему Конгрегацию – это уж слишком. Все равно что стрелять из пушки по воробьям. – Он сделал хорошо рассчитанную паузу и, пристально глядя на Ивашкевича, закончил: – Или из огнемета.

– Мы больше никого не сжигаем. – Это прозвучало так, словно кардинал обращался к дождю за окном. Словно он сожалел, что теперь все не так, как раньше.

– Как бы то ни было, – продолжал архиепископ, – решено, что пока, – он сделал на этом «пока» многозначительное ударение, – расследованием займется Институт внешних

дел. То есть вы. И лишь в том случае, если дело окажется слишком серьезным, оно будет передано официальным органам инквизиции.

– Вынужден напомнить вам, брат во Христе, – кардинал по-прежнему стоял спиной к ним, созерцая мокрый сад Бельведера, – что инквизиция перестала существовать тридцать лет назад.

– Да, верно. Прошу простить меня, ваше высокопреосвященство. Я хотел сказать – дело будет передано официальным органам Конгрегации по делам учения о вере.

– Мы больше никого не сжигаем, – повторил Ивашкевич. На этот раз в его голосе прозвучала не слишком скрытая угроза.

Монсеньор Спада помолчал несколько секунд, не отрывая взгляда от Куарта. Они больше никого не сжигают, говорил этот взгляд, но спускают на него всех собак. Его травят, чернят, его убивают заживо. Они больше никого не сжигают, но будь осторожен с ним. Этот поляк опасен для тебя и для меня, но из нас двоих ты более уязвим.

– Вы, отец Куарт, – теперь директор ИВД говорил сугубо деловым, официальным тоном, – съездите на несколько дней в Севилью... Сделайте все возможное, чтобы выяснить, кто автор послания. Поддерживайте – но лишь в необходимых пределах – контакт с местной церковной властью. А главное – ведите дело разумно и скрытно. – Вытащив из стола другую папку, он положил ее поверх первой. – Вот здесь вся ин-

формация, которой мы располагаем. У вас есть вопросы?

– Только один, монсеньор.

– Ну?

– На свете полным-полно церквей, где есть проблемы, в том числе и чреватые скандалами. Почему же речь зашла именно об этой? Что в ней такого особенного?

Архиепископ метнул взгляд на спину кардинала Ивашкевича, но инквизитор молчал. Монсеньор Спада чуть наклонился над лежавшими на столе папками, как будто пытаюсь высмотреть в них ответ на заданный вопрос.

– Полагаю, – произнес он наконец, – что этот хакер изрядно потрудился и его святейшество сумел оценить его усилия.

– Оценить – это уж слишком, – бесстрастно донеслось из оконной ниши.

Монсеньор Спада пожал плечами:

– Тогда скажем так: его святейшество решил удостоить его личным вниманием.

– Несмотря на его дерзость и наглость, – снова прозвучало со стороны окна.

– Несмотря на все это, – заключил архиепископ, – по каким-то личным причинам сие послание, оказавшееся в его личном компьютере, пробудило его любопытство, и он хочет быть в курсе событий.

– Быть в курсе событий, – повторил Куарт.

– Именно так.

– По приезде в Севилью должен ли я посвящать в дело

также местное церковное руководство?

Кардинал Ивашкевич повернулся к нему:

– Единственным руководителем в этом деле для вас является монсеньор Спада.

В этот момент наконец дали ток, и большая люстра на потолке осветила комнату, заставив сверкнуть бриллиантовый крест на груди поляка и перстень на руке, которой тот указывал на директора ИВД:

– Вы будете информировать его. И только его.

Электрический свет немного смягчал угловатые черты его лица, однако упрямая линия тонких твердых губ даже теперь не стала выглядеть менее жесткой. Эти губы никогда не целовали ничего, кроме крестов, пастырских перстней, камня и металла.

Куарт утвердительно кивнул:

– Только его, ваше высокопреосвященство. Но ведь севильская епархия имеет своего главу – архиепископа. Каковы будут указания на этот счет?

Ивашкевич сплел пальцы рук под золотым наперсным крестом и принялся рассматривать ногти больших пальцев:

– Все мы братья во Христе, Господе нашем. Так что желательны нормальные, спокойные отношения и даже сотрудничество. Но повиновение не вменяется вам в обязанность. Мадридская нунциатура и местное архиепископство уже получили надлежащие инструкции.

Прежде чем ответить кардиналу, Куарт повернулся к мон-

сеньору Спаде:

– Возможно, вашему высокопреосвященству неизвестно, что я не пользуюсь симпатией со стороны архиепископа Севильского...

Это была правда. Два года назад, вскоре после визита папы в андалусскую столицу, Куарту довелось крепко схлестнуться с его преосвященством – главой севильской епархии, доном Акилино Корво по поводу недостатков работы по обеспечению безопасности высокого гостя. С тех пор утекло немало воды, однако волны, порожденные той бурей, еще не утихли.

– Мы в курсе ваших проблем с монсеньором Корво, – сказал Ивашкевич. – Но архиепископ, будучи человеком Церкви, сумеет подчинить свои личные антипатии соображениям высшего блага.

– Все мы плывем на ладье святого Петра, – позволил себе заметить монсеньор Спада, и Куарт понял, что, несмотря на всю опасность партнерства с Ивашкевичем, у ИВД в этой игре неплохие карты. Помогите мне разыграть их, говорили глаза его начальника.

– Архиепископ Севильский уже поставлен в известность – из уважения к его сану, – продолжал поляк. – Но данные вам полномочия освобождают вас от какой бы то ни было зависимости по отношению к монсеньору Корво. Вам надлежит собрать всю необходимую информацию, используя для этого любые средства.

– Законные, разумеется, – снова вставил монсеньор Спада.

Куарту пришлось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться. Пристальный взгляд Ивашкевича скользнул с него на архиепископа, затем опять уперся ему в глаза.

– Да, – подтвердил инквизитор после секундной паузы. – Разумеется, законные.

Рука с перстнем поднялась, указательный палец коснулся брови; и в этом, казалось бы, невинном жесте Куарту почудилось предостережение. Вы там поосторожнее с вашими школярскими шуточками, говорил он. Хорошо смеется тот, кто смеется последним, а я никуда не тороплюсь. Один неверный шаг – и вы в моих руках.

– Вам надлежит помнить, отец Куарт, – продолжал между тем кардинал, – что ваша миссия носит чисто информационный характер. И потому следует соблюдать абсолютный нейтралитет. Позже, в зависимости от того, что за материал вы нам представите, мы решим, какие конкретные шаги предпринять. Покамест, что бы вы там ни обнаружили, избегайте любого шума и огласки. Конечно, с Божьей помощью... – Он взгляделся во фреску с изображением Тирренского моря и, словно прочтя в ней скрытое от других послание, утвердительно кивнул. – Помните, что в наше время истина не всегда делает нас свободными. Я имею в виду истину, ставшую достоянием всех.

Он резким, повелительным движением протянул руку

с перстнем: губы плотно сжаты, темные глаза угрожающе устремлены на Куарта. Но Куарт был хорошим солдатом, который сам выбирал себе хозяев, так что он выждал на секунду дольше необходимого и лишь затем, опустившись на одно колено, прикоснулся губами к алому рубину перстня. Кардинал поднял эту же руку над головой священника и медленно осенил его крестом, то ли благословляя, то ли грозя. После этого, не говоря ни слова, он вышел из кабинета.

Куарт выдохнул сдерживаемый в легких воздух и, встав, отряхнул колено. Когда он повернулся к монсеньору Спаде, глаза его были полны вопросов.

– Что вы думаете о нем? – поинтересовался директор ИВД. Он снова взял в руки нож и с озабоченной улыбкой указывал им на дверь, за которой скрылся Ивашкевич.

– *Ufficiale* или *ufficioso*, монсеньор?

– *Ufficioso*.

– Мне бы очень не хотелось попасться ему в руки лет эдак двести-триста назад, – ответил Куарт.

Улыбка архиепископа стала шире:

– Почему?

– Ну, скажем так, он весьма жесткий человек.

– Жесткий? – Архиепископ снова взглянул на дверь, и Куарт увидел, как его улыбка медленно угасла. – Не будь это грехом против человеколюбия по отношению к одному из братьев во Христе, я сказал бы, что его высокопреосвященство – законченный сукин сын.

Они вместе спустились по каменной лестнице на Виадель-Бельведере, где ожидала официальная машина монсеньора Спады. У архиепископа был назначен визит к «Кавалледжери и сыновьям», неподалеку от дома Куарта. Портные семейства Кавалледжери на протяжении вот уже двух столетий одевали всю аристократию курии, включая и самого папу. Их ателье находилось на Виа-Систина, рядом с площадью Испании, так что архиепископ предложил Куарту подвезти его. Они выехали из Ватикана через врата Святой Анны и сквозь затемненные стекла машины видели, как вытянулись при ее приближении швейцарские гвардейцы. Куарт усмехнулся; ему это показалось забавным, поскольку он знал, что ватиканские швейцарцы недолюбливают монсеньора Спаду: расследование, проведенное ИВД с целью выяснения наличия гомосексуализма в гвардии, закончилось полудюжиной увольнений. Кроме того, время от времени – так, развлечения ради – архиепископ устраивал небольшие проверки системы внутренней безопасности: например, заслал в Апостольский дворец своего агента, одетого в мирское платье и снабженного флаконом серной кислоты, якобы предназначенной, чтобы испортить фреску «Распятие святого Петра» в капелле Паулина. Благополучно добравшись до означенной фрески, агент подтащил к ней скамейку, взобрался на нее и при помощи полароида запечатлел собственную широко улыбающуюся физиономию на фоне знаменитого произ-

ведения искусства. Монсеньор Спада отослал эту фотографию, сопроводив ее достаточно едкой запиской, полковнику Швейцарской гвардии. Это случилось уже месяца полтора назад, но головы все еще летели.

– Его назвали Вечерня, – проговорил монсеньор Спада.

Автомобиль свернул направо, затем, прокатив под арками Ангельских врат, налево. Куарт взглянул на спину шофера, отделенного от собеседников метакрилатовой перегородкой, прозрачной, но не пропускающей звуков.

– Это все, что о нем известно?

– Мы знаем, что, возможно, он священник, хотя, может быть, и нет. И что он имеет доступ к компьютеру, подключенному к телефонной сети.

– Возраст?

– Неизвестен.

– Это почти ничего, ваше преосвященство.

– Сам знаю. Но это все, чем мы располагаем.

Архиепископский «фиат» выехал на Виа-делла-Кончилиационе. Дождь стихал; на востоке, над холмами Пинчо, в тучах наметился просвет. Куарт поправил складку брюк и глянул на часы, хотя в данный момент время не имело никакого значения.

– Что происходит там, в Севилье?

Монсеньор Спада рассеянно смотрел в окно. Ответил он не сразу, не меняя позы:

– Там есть церквушка эпохи барокко... Старая, малень-

кая, ветхая. Храм Пресвятой Богородицы, слезами орошенной. Ее начали реставрировать, но деньги кончились, и все остановилось на полпути... по-видимому, это место находится в одной из важнейших в историческом плане частей города: в Санта-Крус¹⁰.

– Я знаю Санта-Крус. Это бывший еврейский квартал, перестроенный в начале века. Совсем рядом с собором и резиденцией архиепископа. – При воспоминании о монсеньоре Корво уголок рта Куарта саркастически изогнулся. – Очень красивое место.

– Да уж наверняка, потому что угроза разрушения церкви и приостановка реставрационных работ вызвали целую бурю страстей: муниципалитет хочет завладеть этой землей, а одно из семейств, принадлежащее к высшей андалусской аристократии, да к тому же связанное с неким крупным банком, вспомнило о своих древних правах на нее и подняло тучу вековой пыли.

Пока архиепископ говорил, «фиат», оставив слева замок Сантанджело, выбрался на набережную Тибра и покатил по направлению к мосту Умберто I. Куарт искоса бросил взгляд на круглую желтовато-коричневую стену замка, символизирувавшую для него временное бытие Церкви, которой он служил. Клемент VII, бегущий, подоткнув сутану, чтобы укрыться за этой стеной, пока ландскнехты Карла V предают

---

¹⁰ *Санта-Крус* – старейшая и наиболее типичная часть Севильи.

Рим огню и мечу...¹¹ Memento mori. Помни, что ты смертен.

– А что же архиепископ Севильский? Странно, что не он занимается этим делом.

Директор ИВД не отрывал взгляда от серой полосы Тибра за усеянным дождевыми каплями окном.

– Он – сторона заинтересованная, так что доверять ему не приходится. Наш добрый монсеньор Корво пытается сделать свою игру. Тут, конечно, речь идет о земных интересах Матери нашей Святой Церкви... В общем, картина такова: храм Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, разваливается на куски, а в ремонте его никто не заинтересован. Похоже, что церквушка представляет большую ценность как развалина, чем как действующий храм.

– В ней служит кто-нибудь?

Ответу архиепископа предшествовал медленный вздох:

– Да, как это ни удивительно. Там есть священник, уже довольно пожилой и, как нам сообщили, склонный конфликтовать по поводу и без повода. Подозрения относительно личности Вечерни падают на него либо на его викария: это молодой человек, которого вот-вот переведут в другую епархию. Как мы выяснили, все их просьбы наш друг Корво, – монсеньор Спада чуть усмехнулся, – аккуратно пропускает мимо ушей. Так что, пожалуй, имеется достаточно оснований по-

---

¹¹ Имеется в виду разграбление Рима войсками германского императора Карла V в 1527 г. Тогда замок Сантанджело, где находился папа Клемент VII, почти месяц был осажден отрядом под предводительством принца Оранского.

лагать, что мысль таким вот необычным способом обратиться напрямую к его святейшеству пришла в голову кому-то из этих двоих, если не обоим вместе.

– Наверняка это они.

Директор ИВД приподнял руку:

– Возможно. Но это нужно доказать.

– А если я получу доказательства?

– В этом случае, – лицо архиепископа помрачнело, голос прозвучал тише и суровее, – им придется горько пожалеть о своем неуместном увлечении информатикой.

– А что насчет тех двух смертей?

– Как раз в этом и заключается проблема. Не будь их, данный конфликт стал бы просто одним из многих: участок земли, несколько спекулянтов и большая куча денег в перспективе. Во время кризиса, при наличии подходящего предложения, церковь можно было бы просто снести, а деньги, вырученные за землю, употребить к вящей славе Божией. Но из-за этих двух случаев все становится гораздо сложнее. – Глаза монсеньора Спады с желтоватыми белками в коричневых прожилках наконец оторвались от созерцания пейзажа за окном: «фиат» застрял в пробке, одной из тех, что вечно образуются вблизи проспекта Виктора-Эммануила. – В течение недолгого времени погибли два человека, имевшие отношение к храму Пресвятой Богородицы, слезами орошенной: муниципальный архитектор, занимавшийся обследованием церкви, с тем чтобы доказать ее аварийное состояние и

затем распорядиться о сносе, и священнослужитель, секретарь архиепископа Корво. Похоже, он регулярно появлялся там, чтобы давить на приходского священника от имени его преосвященства.

– Не могу поверить, что все это правда.

Глаза Мاستифа обратились на Куарта.

– Что ж, привыкайте понемногу к этой мысли. Ведь с сегодняшнего дня этим делом занимаетесь вы.

«Фиат» по-прежнему торчал посреди огромной пробки, заблокированный со всех сторон; шум моторов и рев гудков перекрывали все остальные звуки. Архиепископ, наклонившись к окну, взглянул на небо.

– Пожалуй, можно пройтись пешком. Время у нас есть, так что приглашаю вас на аперитив в то кафе, которое вы так любите.

– В «Эль Греко»? Это прекрасная идея, монсеньор, но ведь вас ожидает ваш портной. А ваш портной – не кто-нибудь, а сам Кавалледжери. Даже его святейшество не осмеливается заставлять его ждать.

Снаружи донесся хрипловатый смех прелата, уже успешшего выбраться из машины:

– Это одна из моих редких привилегий, отец Куарт. В конце концов, даже его святейшество не знает о Кавалледжери кое-каких вещей, которые знаю я.

Любовь к старым кафе была в крови у Лоренсо Куарта.

Без малого двенадцать лет назад, когда он только что прибыл в Рим в качестве студента Грегорианского университета, кафе «Эль Греко», с его двухсотпятидесятилетней стариной, его невозмутимыми официантами и его историей, связанной с именами великих бродяг XVIII и XIX веков, от Байрона до Стендаля, покорило молодого священника с того самого мгновения, как он впервые вошел под белокаменную арку. Теперь Кварт жил в двух шагах от кафе, в мансарде, снятой Институтом внешних дел в доме номер 119 по Виа-дель-Бабуино, с небольшой, уставленной цветочными горшками террасой, откуда открывался вид на церковь Тринита-деи-Монти и на широкую мраморную лестницу на площади Испании, всю в обрамлении цветущих азалий. Особенно он любил читать в «Эль Греко»; в часы, когда там почти не бывало посетителей, устраивался с книгой под бюстом Виктора-Эммануила II, за столиком, за которым, как говорили, во время оно сживали Джакомо Казанова и Людвиг Баварский.

– Как отреагировал монсеньор Корво на гибель своего секретаря?

Монсеньор Спада внимательно изучал алый цвет чинзано в стоявшем перед ним стакане. В кафе было мало народу: один-два постоянных посетителя читали газеты за столиками в глубине зала, элегантная дама с многочисленными сумками покупок от Армани и Валентино говорила по сотовому телефону да несколько английских туристов фотографировали друг друга на фоне прилавка с образцами подаваемых в

«Эль Греко» блюд. Присутствие дамы с телефоном, казалось, досаждало архиепископу, потому что он окинул ее критическим взглядом, прежде чем наконец ответить Куарту:

– Он был просто в бешенстве. Прямо-таки рвал и метал. И поклялся не оставить от церкви камня на камне.

Куарт покачал головой:

– По-моему, это уж чересчур. Ведь здание не может иметь собственной воли. И тем более намеренно причинять вред.

– Надеюсь, что так. – В глазах Мастифа не было и тени юмора. – Я действительно надеюсь. Для всех лучше, чтобы это было так.

– Может, монсеньор Корво просто ищет предлог, чтобы снести церковь и покончить с этим делом?

– Несомненно, случай с его секретарем – вполне подходящий предлог. Но есть и еще кое-что. У архиепископа имеются какие-то личные счета с этой церковью или с ее священником. А возможно, с обоими.

Он умолк, разглядывая картину на стене: романтический пейзаж из тех времен, когда Рим еще был городом папы-короля, с аркой Веспасиана на переднем плане и куполом собора Святого Петра в глубине; все остальное пространство занимали крыши и фрагменты крепостных стен.

– Эти две смерти были... гм... естественными? – задал вопрос Куарт.

Его собеседник пожал плечами:

– Это смотря какую смерть считать естественной. Архи-

тектор сорвался с крыши, а на секретаря рухнул обломок камня из-под купола.

– Впечатляющее зрелище, – отозвался Куарт, поднося стакан к губам.

– И кровавое, полагаю. Ему крепко досталось, этому секретарю. – Монсеньор Спада поднял вверх указательный палец. – Представьте себе арбуз, на который свалился десяток килограммов каменного карниза. Чвак!

Это звукоподражание помогло Куарту представить себе случившееся более чем отчетливо. Именно от этой воображаемой картины, а не от горечи вермута он непроизвольно поморщился.

– А что говорит испанская полиция?

– Несчастные случаи. Потому так зловеще и выглядит эта строчка: *церковь, которая убивает, дабы защитить себя...* – Монсеньор Спада нахмурился. – Теперь благодаря дерзости этого хакера его святейшество тоже оказался в курсе событий и весьма обеспокоен ими. ИВД надлежит рассеять это беспокойство.

– Почему именно нам?

Архиепископ коротко рассмеялся сквозь зубы, но не ответил сразу. Даже в своей одежде священнослужителя он выглядел кем угодно, только не священником. Куарт окинул взглядом гладиаторский профиль архиепископа, всегда напоминавший ему старинное изображение центуриона, распявшего Христа, его мощную шею, покоящиеся на столе

огромные руки. Мاستиф, со своей грубоватой внешностью ломбардского крестьянина, владел ключами от всех тайн государства, насчитывающего три тысячи служащих Ватикана плюс столько же епископов за его пределами и являющегося центром духовного притяжения для более чем миллиарда жителей Земли. Рассказывали, что во время последнего конклава он раздобыл медицинские документы всех кандидатов на трон Святого Петра, с тем чтобы изучить уровень холестерина в крови у каждого и прогнозировать по мере возможности, насколько долгим или кратким будет правление нового папы. Что же касается Войтылы, директор ИВД предсказал резкий поворот вправо, когда бюллетени с его именем еще курились черным дымом¹².

– Почему именно нам?.. – произнес он наконец, повторяя вопрос Куарта. – Потому что теоретически мы являемся наиболее доверенными людьми папы. Любого папы. Однако власть в Ватикане – это кость, за которую грызется целая свора собак, и в последнее время ведомство Ивашкевича накачало себе немало мускулов за наш счет. А ведь прежде мы сотрудничали в дружбе и согласии. Надсмотрщики Господа, братья во Христе... – Жестом левой руки он словно бы отмел эти набившие оскомину общие места. – Вы знаете об этом лучше, чем кто бы то ни было.

---

¹² Имеется в виду церемония, сопровождающая избрание нового папы. Кардиналы-выборщики, полностью отрезанные от внешнего мира, дают знать о результатах очередного голосования цветом дыма, поднимающегося из труб здания, где они заседают. Черный дым означает, что папа еще не избран.

Куарт действительно знал. До скандала, разрушившего весь финансовый аппарат Ватикана, и поворота польской команды к ортодоксии отношения между ИВД и Священной конгрегацией по делам учения о вере были самыми сердечными. Но теперь с либерализмом было покончено, и внутри курии шло яростное сведение счетов.

– Плохие времена, – вздохнул архиепископ.

Он снова устремил глаза на картину на стене. Потом, отпив немного из своего стакана, откинулся на спинку стула и пощелкал языком.

– Обратите внимание, – движением подбородка он указал на микеланджеловский купол¹³ в глубине картины, – умирать там имеют право только папы. На этих сорока гектарах стоит самое могущественное государство на Земле, но структура его точно повторяет средневековую модель абсолютной монархии. Трон, который держится сегодня благодаря религии, превращенной в зрелище, телевизионным репортажам о путешествиях папы и прочим действиям. А подо всем этим – самый темный, самый реакционный интегрим: Ивашкевич и компания. Его черные волки. – Он снова вздохнул и – почти с презрением – отвел глаза от картины. – Теперь борьба идет не на жизнь, а на смерть, – мрачно продолжал он. – Церковь не может функционировать без авторитета; весь трюк состоит в том, чтобы поддержать его бесспорность и абсо-

---

¹³ Купол, спроектированный Микеланджело для ватиканского собора Святого Петра – крупнейшего храма католического мира.

лютность. А в этом деле Конгрегация по делам учения о вере является таким ценным оружием, что ей отводится все более важная роль начиная еще с восьмидесятых годов, когда Войтыла приобрел привычку каждый день взбираться на гору Синай, чтобы поболтать с Богом. – Наступила небольшая, исполненная иронии пауза, во время которой глаза Мاستифа неторопливо обозревали окружающую обстановку. – Его святейшество непогрешим даже в своих ошибках, а воскрешение инквизиции – надежное средство заткнуть рот инакомыслящим. Кто помнит теперь о Кунге, Кастильо, Шиллебеке или Боффе?.. Ладья святого Петра всегда преодолевала исторические рифы, замуровывая непокорных в глухое молчание или попросту выбрасывая их за борт. Мы используем наше всегдашнее оружие: интеллектуальную дискредитацию, отлучение и костер... О чем вы думаете, отец Куарт? Вы что-то молчаливы сегодня.

– Я всегда молчалив, монсеньор.

– Да. Верность и осторожность, не так ли?.. Или мне следует употребить слово «профессионализм»? – шуточно-недовольным тоном продолжал прелат. – Вечно эта проклятая дисциплина, в которую вы заковали себя, как в кольчугу... Бернард Клервоский и его мафиози-тамплиеры легко нашли бы с вами общий язык. Уверен, что, попади вы в плен Саладину, вы скорее дали бы перерезать себе горло, чем отреклись от своей веры. Не из набожности, разумеется. Из гордыни.

Куарт рассмеялся.

– Я думал о его высокопреосвященстве кардинале Ивашкевиче, – ответил он на предыдущий вопрос. – Костров больше нет. – Он одним глотком допил оставшееся в стакане вино. – Как и отлучений от Церкви.

Монсеньор Спада яростно фыркнул:

– Существуют другие способы отделяться от неудобных. Даже мы не раз пользовались ими. Да и вы сами тоже.

Архиепископ замолчал, внимательно вглядываясь в выражение глаз своего собеседника, будто жалея, что слишком уж перегнул палку. Но, как бы то ни было, он сказал чистую правду. На первом этапе, когда ИВД и Конгрегация еще не раскололись на два противоборствующих лагеря, Куарт собственноручно предоставил черным волкам Ивашкевича гвозди для нескольких распятий. Мысленным взором он снова увидел запотевшие очки и близорукие испуганные глаза Нелсона Короны, капли пота, стекающие по лицу этого человека, который неделю спустя лишился своего сана, а еще через неделю его уже не было в живых. С тех пор минуло четыре года, но воспоминание не потускнело.

– Да, – повторил Куарт. – И я сам тоже.

Монсеньор Спада уловил тон, каким были произнесены эти слова; его глаза в коричневых прожилках пытливо всмотрелись в лицо подчиненного.

– Все еще не забыли Корону? – мягко спросил он.

Куарт кое-как изобразил улыбку.

– Откровенно, монсеньор?

– Откровенно.

– Не только его. И испанца Ортегу. И того, третьего, Соузу.

Это были трое священников, связанных с так называемой теологией освобождения и несогласных с реакционной политикой, проводимой Римом. Во всех трех случаях ИВД сыграл роль черного пса Ивашкевича и его Конгрегации. Корона, Ортега и Соуза, выдающиеся деятели прогрессивного движения, работали в самых бедных приходах, в трущобах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Они считали, что человека нужно спасать на земле, не ожидая, когда он попадет в Царствие Небесное. Получив соответствующую установку, ИВД взялся за дело: принялся собирать компромат на своих «подопечных», нащупывая, где можно будет нажать поэфффективнее. Ортега и Соуза сдались довольно быстро. Что же касается Короны, бывшего чем-то вроде народного героя нищих кварталов Рио и бельмом на глазу у политиков и местной полиции, то пришлось вытащить на свет божий некоторые незначительные ошибки, допущенные им в работе с молодыми наркоманами; этим делом в течение нескольких недель скрупулезно занимался Лоренсо Куарт, не оставляя без внимания ни одного «говорят, что...» и «точно не знаю, но...». И даже тогда бразильский священник отказался «исправиться». Яростно ненавидимый ультраправыми, через семь дней после лишения сана и изгнания из епархии, сопровождавше-

гося появлением его фотографий на первых полосах газет, Нелсон Корона был убит эскадронами смерти. Его тело со связанными руками и разmozженным пулей затылком было найдено в сточной канаве неподалеку от церквушки, в которой он служил. «Коммунист и педераст», – было написано на доске, повешенной ему на шею.

– Послушайте, отец Куарт. Этот человек пренебрег обетом послушания и главной задачей своего служения, посему и был призван задуматься над своими ошибками. Вот и все. Потом это дело перешло в другие руки – не из наших рук, а из рук Ивашкевича и его Святой конгрегации. Вы только выполнили приказ. Только облегчили поставленную задачу. Так что никакой ответственности за случившееся на вас не лежит.

– Несмотря на все уважение, которое я испытываю к вашему преосвященству, должен возразить: нет, лежит. Корона мертв.

– Нам с вами известны и другие люди, которые также мертвы, – финансист Лупара, чтобы далеко не ходить за примерами.

– Корона был одним из наших, монсеньор.

– Из наших, не из наших... Мы не «наши» и ничьи. Мы сами по себе. Мы отвечаем перед Богом и папой. – Архиепископ сделал явно преднамеренную паузу. – Папы ведь умирают, а Бог – нет. Именно в таком порядке.

Куарт взглянул на дверь, словно желая отмежеваться от

всего этого. Потом опустил голову.

– Ваше преосвященство правы, – скучным голосом произнес он.

Архиепископ медленно сжал огромный кулак, как будто собирался ударить им по столу, но так и не поднял его. Кажалось, он был в бешенстве.

– Послушайте, временами я просто ненавижу вашу проклятую дисциплинированность.

– Что я должен ответить на это, монсеньор?

– Скажите мне то, что думаете.

– В подобных ситуациях я предпочитаю не думать.

– Не будьте идиотом. Это приказ.

Кварт помолчал еще мгновение, потом пожал плечами:

– Я по-прежнему думаю, что Корона был одним из наших.

А кроме того, человеком справедливым.

Архиепископ разжал кулак и приподнял руку:

– Со своими слабостями.

– Возможно. Его проступки – не более чем проявления слабости, ошибки. А ошибки совершаем мы все.

Паоло Спада иронически рассмеялся:

– Только не вы, отец Кварт. Только не вы. Я уже десять лет начеку – все жду вашей первой ошибки, и, когда вы ее совершите, я в тот же день доставлю себе удовольствие назначить вам наказание: вам придется надеть власяницу, получить пятьдесят ударов бичом и сто раз прочесть «Аве Мария». – В голосе его вдруг послышались нотки раздраже-

ния. – Как это вам удастся всегда оставаться таким дисциплинированным и добродетельным?.. – Он помолчал, провел рукой по жесткой щетине волос и, покачав головой, снова заговорил, не дожидаясь ответа: – Но вернемся к тому злосчастному делу в Рио. Вам известно, что временами Всемогуший пишет не слишком-то ровно. Просто этому парню не повезло.

– Не знаю, возможно. На самом деле это меня не очень беспокоит, монсеньор, однако факт остается фактом. Объективно: это дело моих рук. И может быть, когда-нибудь мне придется держать ответ за него.

– В тот день Господь будет судить вас точно так же, как и всех нас. А до этого момента, и только в вопросах, связанных с работой, безусловное отпущение всех грехов даю вам я. – Он поднял свою громадную ручищу коротким жестом благословения.

Кuart, не таясь, открыто усмехнулся:

– Пожалуй, мне понадобится нечто большее, чем это. А кроме того, может ваше преосвященство с уверенностью сказать мне, что, случись все сегодня, мы и теперь действовали бы так же?

– Вы имеете в виду Церковь?

– Я имею в виду Институт внешних дел. Мы с такой же легкостью поднесли бы эти три головы на блюде кардиналу Ивашкевичу?

– Не знаю. Честно говоря, не знаю. Стратегия складыва-

ется из технических действий. – Прелат внимательно взглянул на собеседника и, нахмурившись, сменил тему: – Надеюсь, все это не имеет никакого отношения к вашей работе в Севилье.

– Нет, не имеет. По крайней мере, я так думаю. Но вы просили меня говорить откровенно.

– Послушайте, Кuart. Мы с вами – профессиональные священнослужители и родились не вчера. Ивашкевич либо купил, либо запугал всех в Ватикане. – Он огляделся по сторонам, как будто в любой момент поляк мог появиться в кафе. – Ему осталось только наложить свою лапу на ИВД. Из всех, кто наиболее приближен к его святейшеству, нас защищает лишь один человек – Азопарди, Государственный секретарь, с которым мы вместе учились.

– У вашего преосвященства много друзей. Вы многим оказывали услуги.

Паоло Спада саркастически хмыкнул:

– В курии никто не помнит услуг, зато все отлично помнят обиды. Мы живем при дворе, полном евнухов и сплетников, где никто не поднимается вверх без помощи другого. Если ты упал, все наперебой стараются добить тебя, но, когда нет ясности, никто и шагу не сделает из страха перед возможными последствиями. Вспомни, как умер папа Лучани: нужно было измерить температуру тела через задний проход, чтобы установить время кончины, но никто не осмелился сунуть термометр ему в задницу.

– Однако же Государственный секретарь...

Мастиф тряхнул своей черной щетиной:

– Азопарди – мой друг, но лишь в том смысле, какой это слово имеет у нас. Ему приходится думать и о самом себе, а власть Ивашкевича велика.

Он помолчал несколько секунд, как будто мысленно положив на одну чашу весов власть Ежи Ивашкевича, а на другую – свою собственную и ожидая результата без особого оптимизма.

– Вот взять хотя бы этого хакера, – снова заговорил он наконец. – Это ведь, в общем-то, мелочь. В другое время им бы и в голову не пришло сваливать на нас то, чем следовало бы заниматься архиепископу Севильскому, поскольку, собственно говоря, речь идет о его взаимоотношениях с верующими своей епархии. Но при нынешнем положении любая муха превращается в слона. Стоило его святейшеству проявить интерес к этому делу – и оно стало очередной ареной для наших внутренних разборок. Потому-то я и выбрал своего лучшего сотрудника. Прежде всего мне нужна информация. То есть надо расстараться и представить отчет вот такой толщины. – Он раздвинул большой и указательный пальцы сантиметров на пять. – Пусть видят, что мы не сидим сложа руки. Его святейшество будет доволен, а поляк не сможет ни к чему придраться.

В кафе вошла группа японских туристов. Они стояли в дверях, разглядывая колоритный интерьер; некоторые, заме-

тив священников, заулыбались и приветствовали их учтивыми поклонами. Монсеньор Спада рассеянно улыбнулся в ответ.

– Я ценю вас, отец Куарт, – продолжал он, – поэтому хочу, прежде чем вы отправитесь в Севилью, объяснить вам, какова наша ставка в этой игре... Не знаю, всегда ли вы искренни в этом своем образе хорошего солдата, но мне кажется, что да; во всяком случае, вы никогда не давали мне повода усомниться в этом. Я заметил вас еще в ту пору, когда вы были рядовым слушателем Григорианской академии, а со временем полюбил вас.

Возможно, в один прекрасный день вам придется дорого заплатить за это, потому что, если я когда-нибудь рухну, вы, скорее всего, рухнете вместе со мной. Или даже раньше. Вы ведь знаете, когда приходится жертвовать фигурой, первыми кандидатами оказываются пешки.

Куарт невозмутимо кивнул.

– А если мы выиграем? – поинтересовался он.

– Нам никогда не удастся выиграть на все сто. Как говорил ваш земляк святой Игнатий, мы избрали то, что у Господа в излишке, а иным нежеланно: бурю и битву. Все наши победы – не более чем отсрочка до следующей атаки. Потому что Ивашкевич будет кардиналом, пока жив: князь Церкви согласно протоколу, епископ, которого невозможно лишить сана, гражданин самого маленького государства в мире – и благодаря таким людям, как мы с вами, самого неуязвимо-

го. И не исключено, что когда-нибудь, в наказание за наши грехи, он станет папой. Нам-то с вами не грозит добраться до ранга *papabili*¹⁴, а возможно, не быть даже и кардиналами. Мы не аристократы, мы рабочие лошади; но у нас есть власть, и мы умеем бороться. Поэтому мы опасные противники, и поляку, несмотря на весь его фанатизм и надменность, это известно. Им не удастся смести нас с дороги, как иезуитов и либеральные секторы курии, на благо Дела Господня, интегрристской мафии и иных прочих. Мы верно служим, но не стоит дергать нас за усы. Бывают мастифы, которые, погибая, успевают прихватить с собой и своего убийцу.

Архиепископ взглянул на часы и жестом подозвал официанта. Придержав рукой руку Куарта, чтобы помешать ему расплатиться, другой он вынул из кармана несколько купюр и положил их на стол. Ровно восемнадцать тысяч лир, отметил Куарт. Жизнь никогда не баловала Мастифа: чаевых он не оставлял.

– Наш долг состоит в том, чтобы сражаться, отец Куарт, – заговорил он, когда оба встали из-за стола. – Потому что мы правы, а Ивашкевич – нет. Можно быть деятельным и поддерживать свой авторитет на должном уровне, но совершенно не обязательно для этого опять вытаскивать на свет божий пыточные клещи и испанский сапог¹⁵, как норовят сде-

---

¹⁴ *Papabili* (ит.) – высшие иерархи Католической церкви, из числа которых может быть избран папа.

¹⁵ Средневековое орудие пытки, столетиями использовавшееся инквизицией.

лать этот поляк и его шайка. Я помню, как избирали папу Лучани; а продержался он всего тридцать три дня. Мы тогда были лет на двадцать моложе, а я уже занимался работой такого рода. – Архиепископ, глядя на Куарта, криво улыбнулся углом рта. – Когда, будучи только что избран, он сказал: «В Господе Всемогущем больше от матери, чем от отца», Ивашкевич и его коллеги по жесткому крылу чуть не взвыли. Я подумал тогда: у этой команды дело не заладится. Лучани был чересчур мягок для нынешних времен, так что, полагаю, Дух Святой поступил мудро, избавив нас от него прежде, чем он успел наломать слишком уж много дров. Газетчики называли его «улыбающийся папа»; но в Ватикане всем было известно, что улыбка у него специфическая. – Губы монсеньора Спады растянулись чуть шире, обнажая клык. – Нервная.

Показавшееся наконец солнце мало-помалу высушивало камни на площади Испании. Уличные торговцы натягивали навесы над своими цветами; несколько туристов уже успели усесться на еще влажных ступенях лестницы, ведущей к церкви Тринита-деи-Монти. Кварт поднимался на полшага позади архиепископа, ослепленный сиянием света над площадью – как всегда в Риме, яркого и оптимистического, словно доброе предзнаменование. На середине лестницы девушка-иностранка с рюкзаком за спиной, в джинсах и голубой полосатой майке, сидевшая на ступеньке, сфотографировала обоих священников, когда они приблизились к ней: вспышка и дружелюбная улыбка. Монсеньор Спада обернул-

ся к Куарту.

– Знаете что, отец Куарт? – Тон был полураздраженный-полуиронический. – Для священника вы слишком хороши собой. Надо было совсем лишиться ума, чтобы назначить вас отправлять службу в женском монастыре.

– Я сожалею, монсеньор.

– Не сожалейте, это не ваша вина. Однако должен сознаться, что это меня немного раздражает. Как вы справляетесь?.. Я имею в виду: как вам удастся не поддаваться соблазну? Ну, вы понимаете. Женщина как порождение лукавого и все такое прочее.

Куарт расхохотался:

– Молитва и холодный душ, ваше преосвященство.

– Я мог бы и сам догадаться. Как всегда, верны уставу, да?.. А кстати, вам не надоедает всегда быть таким правильным, такой паинькой?

– Это коварный вопрос, монсеньор. Ответ в любом случае был бы чреват далеко идущими последствиями.

Несколько мгновений Паоло Спада искоса смотрел на него, затем одобрительно мотнул головой:

– Согласен. Вы выиграли. Ваша добродетель снова выдержала экзамен, но все же я не теряю надежды. Когда-нибудь я таки поймаю вас.

– Конечно, монсеньор. Ибо грехи мои неисчислимы.

– Заткнитесь, – потребовал Спада. – Это приказ.

– Как будет угодно вашему преосвященству.

Добравшись до обелиска Пия VI, архиепископ обернулся, чтобы окинуть взглядом убегающую вниз лестницу и девушку в полосатой майке.

– А что касается вечного спасения, – сказал он, – помните старую поговорку: если священнослужителю удастся до пятидесяти лет держать свои руки подальше от денег, а ноги – от женской постели, то у него неплохие шансы спасти свою душу.

– Этим я и занимаюсь, монсеньор. Но мне осталось еще двенадцать лет до финишной черты.

– Не беспокойтесь. Я подозреваю, что вас мучают иные соблазны. – Он пристально посмотрел на Куарта, затем преодолел через одну последние ступени и закончил: – Но все-таки не забывайте и о холодном душе, сын мой.

Они миновали импозантный фасад отеля «Хасслер Вилла Медичи» и вышли на Виа-Систина. Ателье не бросалось в глаза: лишь небольшая скромная табличка на дверях, раскрывавшихся только перед элитой курии – за исключением пап. Лишь они пользовались привилегией быть обслуженными на дому: Кавалледжери и сыновья, получившие еще из рук Льва XIII титул, равнозначный довольно высокому священническому сану, сами ездили в Ватикан на примерки.

Архиепископ с отсутствующим видом скользнул взглядом по табличке: очевидно, мысли его были заняты другим. Потом он поднял лицо к небу, а затем глаза его в коричневых прожилках, обратившись на стоящего перед ним священни-

ка, в упор оглядели его костюм безупречного покроя и простые серебряные запонки на манжетах рукавов черной шелковой рубашки.

– Послушайте, Куарт. – Это обращение напрямую, по фамилии, придало его словам такую же суровость. – Речь идет не только о грехе гордыни и желания власти – грехе, которому не чужд никто из нас. Превыше наших личных слабостей и наших методов мы с вами, и даже Ивашкевич с его зловещим окружением... и даже его святейшество с его раздражающим фундаментализмом... все мы ответственны за веру миллионов человеческих существ в непогрешимую и вечную Церковь. – Глаза архиепископа продолжали буравить Куарта. – И одна лишь эта вера, искренняя, несмотря на наш цинизм, свойственный всем, кто имеет отношение к курии, оправдывает нас. Одна лишь эта вера. Без нее и вы, и я, и Ивашкевич были бы просто лицемерными мерзавцами... Вы понимаете, что я пытаюсь довести до вас?

Куарт выдержал взгляд и слова Мастифа, не моргнув глазом.

– Абсолютно, монсеньор, – спокойно ответил он.

Под прицелом глаз архиепископа он почти инстинктивно принял позу швейцарского гвардейца, вытянувшегося перед офицером: локти прижаты к бокам, большие пальцы опущены точно вдоль боковых швов брюк. Монсеньор Спада еще несколько секунд прищурившись смотрел на него, потом, казалось, немного расслабился и даже изобразил на лице нечто

вроде улыбки.

– Надеюсь, так оно и есть. – Теперь прелат уже улыбался по-настоящему. – Я правда надеюсь. Ибо что касается меня, то, когда я предстану перед небесными вратами и этот ворчливый старикан-рыбак выйдет мне навстречу, я скажу ему: Петр, не будь слишком уж строг к старому центуриону, солдату Господа нашего Иисуса Христа, который немало потрудился, откачивая грязную воду из трюма твоего корабля. В конце концов, даже старику Моисею пришлось втихаря воспользоваться мечом Иешуа. Да и ты сам прирезал Малха, чтобы защитить Учителя.

Теперь, представив себе эту картину, рассмеялся Куарт:

– В таком случае, ваше преосвященство, мне хотелось бы оказаться там прежде вас. Думаю, они вряд ли примут дважды одно и то же оправдание.

II

Трое злодеев

Приехав в какой-либо город, я всегда прошу назвать мне двенадцать самых красивых женщин, двенадцать самых богатых мужчин и того человека, который может отправить меня на виселицу.

Стендаль. Люсьен Левен

Селестино Перехиль, телохранитель и помощник банкира Пенчо Гавиры, раздраженно листал журнал «Ку+С». Он делал это на ходу, по дороге в бар «Каса Куэста», расположенный в самом сердце севильского квартала Триана. Настроение Перехиля было не из лучших, и тому имелось три причины: язва желудка, никак не желавшая зарубцовываться, деликатное поручение, из-за коего ему и пришлось отправиться на другой берег Гвадалквивира, и обложка журнала, который он держал в руках. Перехиль был невысокого роста, коренастый, нервный человек, прятавший раннюю лысину под зализанными наверх, от пробора над самым левым ухом, жирноватыми волосами. Его жизненными пристрастиями являлись: белые носки, кричаще-яркие галстуки из набивного шелка, двубортные пиджаки с золотыми пуговицами и шляхи из американского бара. А также, и превыше все-

го перечисленного, магическое переплетение чисел на зеленом сукне любого казино, куда его еще пускали.

Именно поэтому язва в тот день и отравляла ему жизнь больше обычного. Так же, как и встреча, на которую он шел с такой неохотой. Что же касается «Ку+С», то его обложка только еще более усугубляла его скверное настроение. Даже если ты абсолютно бессердечный человек (а Селестино Перехиль был именно таким), вряд ли тебе удастся созерцать спокойно снимок жены твоего шефа с другим мужчиной. А особенно когда ты сам и продал журналистам информацию, необходимую для того, чтобы сделать такое фото.

– Хитрюга проклятая, – произнес он вслух, так что двое-трое прохожих с удивлением оглянулись на него.

Потом, вспомнив о цели встречи, на которую направлялся, он вытащил алый шелковый платок, красовавшийся в нагрудном кармане пиджака, и вытер вспотевший лоб. Цифры 7 и 16 плясали перед его глазами на фоне зеленого сукна, преследовали его, как кошмар. «Если только я выберусь из этой истории, – подумал он, – никогда больше, честное слово, никогда. Клянусь Пресвятой Девой».

Он швырнул журнал в попавшуюся на глаза урну и, свернув за угол под рекламным щитом пива «Крусикамло», неохотно остановился перед дверью бара. Он ненавидел такие места, как это, с мраморными столиками, изразцами на стенах и старыми, покрытыми толстым слоем пыли бутылками «Сентенарио Терри» на полках: всю ту душноватую, гряз-

новатую Испанию с пейнетой¹⁶ в волосах, гитарой в руках и гороховой похлебкой на столе, от которой ему не без труда удалось оторваться. После пары удачных поворотов судьбы, приблизивших его, никому не известного детектива, специализировавшегося на банальных супружеских изменах и мелких хитростях по отношению к службе социального страхования, к Пенчо Гавире и его банку, Селестино привык к модным барам с негромкой музыкой, к виски с большим количеством льда, к кабинетам с толстенными коврами на полу, номерам «Файнэншл таймс» на столике в приемной, жужжанию факсов и секретаршам, свободно болтающим на трех языках. А что там делается в Цюрихе, а что в Нью-Йорке, а что на токийской бирже? Все было запросто среди этих людей, пахнущих дорогим лосьоном для бритья и играющих в гольф. И вообще было здорово жить такой жизнью, какую показывают по телевизору в рекламных роликах.

Ему хватило одного взгляда, чтобы его вновь одолели прежние кошмары: дон Ибраим, Удалец из Мантелете и Красотка Пуньялес уже поджидали его, черт бы побрал их пунктуальность. Он увидел их, лишь только переступил порог: справа от стойки темного дерева, украшенной золотыми цветами, под плакатом, висевшим там еще с начала века: «Пароходное сообщение Севилья – Санлукар – Море: ежедневные рейсы от Севильи до устья Гвадалквивира». Троица уют-

---

¹⁶ *Пейнета* – высокий гребень, традиционное украшение прически испанских женщин.

но расположилась за мраморным столиком, на котором Селестино издали разглядел бокалы с «Ла Иной». Это в одиннадцатый-то часов утра.

– Как дела, – без какой бы то ни было вопросительной интонации проговорил он, присаживаясь к столику.

Надо же было сказать что-то в знак приветствия. На самом деле ему было в высшей степени наплевать, как у них дела. Да и им не терпелось покончить с этикетом. Селестино прочел это в трех парах глаз, следивших, как он, прежде чем аккуратно расположить локти на мраморе стола, оправляет манжеты рубашки изящным движением, перенятым от шефа.

– У меня есть поручение для вас, – без обиняков начал вновь прибывший.

Он заметил, как Удалец из Мантелете и Красотка Пуньялес стрельнули глазами на дона Ибраима, который в ответ на его слова кивнул – медленно и торжественно, поглаживая свои густые, взъерошенные, рыжеватые с сединой усы, подстриженные на английский манер. Дон Ибраим был крупный, очень полный мужчина самой добродушной наружности, в которую не совсем вписывались эти свирепые усы; каждое его движение было исполнено торжественности – даже после того, как (уже давненько) коллегия адвокатов Севильи обнаружила, что у него нет никакого официального звания, позволяющего заниматься юриспруденцией. Однако адвокатская тога, пусть даже и фальшивая, наложила отпе-

чаток солидности и достоинства на его манеру носить широкополую шляпу из светлой соломки, держать трость с серебряным набалдашником и даже на то, как вольготно покоилась на его объемистом животе, между правым и левым кармашками жилета, цепочка часов, которые, по его словам, он когда-то получил от Эрнеста Хемингуэя, обыграв его в покер в борделе «Никита Крус» еще в докастровские времена.

– Мы все внимание, – произнес он.

Триане и всей Севилье было известно, что дон Ибраим – кубинец, плут и мошенник, но также и то, что он истинный кабальеро. Вот и теперь, например, он выразился во множественном числе, учтиво взглянув при этом по очереди на Удальца из Мантелете и Красотку Пуньялес, как бы давая понять, что имеет честь представлять их за этим столом, на который, ввиду невозможности придвинуться ближе из-за размеров живота, он крепко, словно якоря тяжелого корабля на дно моря, уложил кисти обеих рук.

– Речь идет об одной церкви и об одном священнике, – продолжал Перехиль.

– Плохое начало, – заметил дон Ибраим.

Огромная сигара дымилась в его левой руке, украшенной золотым перстнем с печаткой; комок пепла упал на брюки, и дон Ибраим аккуратно стряхнул его. Еще в своей бродячей юности, прошедшей под знойным солнцем Антид, он пристрастился к ослепительно-белым костюмам, шляпам-панамам и сигарам «Монтекристо». Ибо этот экс-лжеадвокат

представлял собой фигуру, в общем-то, классическую. Он как две капли воды походил на персонаж популярных гра-
вюр начала века, изображавших искателей богатства, кото-
рые, возвращаясь из Вест-Индии, высаживались в порту Се-
вильи с мешочком золотых монет, лихорадкой, бывшей их
раз в три дня, и слугой-мулатом. Правда, дон Ибраим при-
был с одной лишь лихорадкой.

Перехиль взглянул на него с недоумением, пытаясь по-
нять, к чему именно относятся слова «плохое начало»: к то-
му, что пепел запачкал брюки, или к тому, что в деле замешаны церкви и священники.

– Об одном старом священнике, – уточнил он, поясняя, и тут вспомнил, что имеется еще и другой. – Ну, вообще-то, их там двое: один старый, другой молодой.

– Аха, – своим гортанным голосом цыганки, родившейся на берегах Гвадалквивира, подтвердила Красотка Пуньялес. – Двое попов.

Серебряные браслеты звякнули на ее дряблых запястьях, когда она, взяв свой бокал с хересом, осушила его одним долгим глотком. Сидевший рядом с ней Удалец из Мантеле-те отрешенно покачивал головой, как будто арбитр на ринге рекомендовал ему больше не наносить противнику удар в ту же бровь. Казалось, он был целиком поглощен созерцанием густого следа ярко-красной помады на краю бокала Красотки Пуньялес.

– Двое попов, – эхом повторил дон Ибраим. С беспокой-

ным выражением в глазах он обдумывал услышанное, пуская колечки дыма, застревавшие у него в усах.

– На самом деле их даже трое, – честно сознался наконец Перехиль.

Дон Ибраим дернулся, и новый комок пепла упал на белые брюки.

– А не двое?

– Трое. Старик, молодой и еще один, который должен скоро приехать.

Перехиль заметил, как троица с опаской переглянулась.

– Значит, трое, – резюмировал дон Ибраим, внимательно изучая длинный, как лопаточка, ноготь своего левого мизинца.

– Точно.

– Один молодой, другой старик и еще третий, который вот-вот приедет.

– Точно. Из Рима.

– Значит, из Рима.

Браслеты Красотки Пуньялес снова зазвенели.

– Чересчур много попов, – мрачно заметила она, стуча по дереву под столом, ниже мраморной крышки, чтобы отвести такую напасть.

– С Церковью мы не связываемся, – торжественно изрек наконец, после долгих размышлений, дон Ибраим, и Селестино Перехиль с трудом подавил желание тут же встать и распрощаться. Ничего хорошего из этого не выйдет, поду-

мал он, глядя на следы пепла на брюках толстяка-адвоката (экс-, да к тому же еще и лже-), на искусственную родинку и завиток волос на увядшем лбу Красотки и сплюснутый когда-то полученным ударом нос бывшего боксера веса пера. С этим народом ничего хорошего не выйдет. Но тут перед его мысленным взором мелькнуло видение: цифры 7 и 16 на зеленом сукне и фотографии из журнала. Ему вдруг показалось, что в баре стало чудовищно жарко. А может, дело было не в жаре в баре, а в том, что его рубашка взмокла от пота, а во рту все пересохло от страха. «В твоём распоряжении шесть лимонов, чтобы уладить это дело с церковью, – сказал Пенчо Гавира. – Найди настоящего профессионала. Можешь тратить эти деньги по своему усмотрению».

– Работенка – не бей лежачего, – услышал он как бы со стороны собственный голос и понял, что, черт бы их всех побрал, выбора у него нет. – Дело чистое. Никаких осложнений. И по лимону на брата.

Он действительно распорядился деньгами по своему усмотрению: за шесть часов, проведенных в казино, три из шести миллионов улетучились. По полмиллиона в час. Улетучилось и то, что он получил за подсказку газетчикам относительно жены – или бывшей жены – своего шефа. А плюс к тому – ростовщик Рубен Молина со дня на день спустит на него собак за неуплаченный должок, почти вдвое превышающий проигранную сумму.

– А почему именно мы? – спросил дон Ибраим.

Перехиль взглянул ему в глаза и на десятую долю секунды уловил в глубине их ту же тоску и безысходность, какие царили в его собственной душе. Он сглотнул слюну, провел пальцем между шеей и воротом рубашки и снова окинул взглядом сигару толстого мошенника-адвоката, сломанный нос Удальца, искусственную родинку Красотки. С тем, что оставалось у него в кармане, это было лучшее, на что он мог надеяться: эта шушера, эти отбросы, эти три обломка жизненных крушений.

– Потому что вы самые лучшие, – ответил он, краснея.

В то первое утро, проведенное в Севилье, у Лоренсо Курта почти час ушел на поиски церкви, ради которой он приехал. Дважды он выходил из квартала Санта-Крус и дважды возвращался в него, каждый раз убеждаясь в бесполезности своего туристического плана в этом переплетении тихих узких улочек, среди беленных известью и выкрашенных красной и желтой охрой стен, где лишь изредка проезжавшие машины вынуждали его отступать в глубокие прохладные порталы, за калитками которых виднелись дворики, выложенные плитками, все в герани и розах. В конце концов он оказался на маленькой площади, в окружении белых и золотистых стен, кованых решеток и свисающих с них горшков с цветами. Там были скамейки, выложенные изразцами со сценами из «Дон Кихота», и с полдюжины апельсиновых деревьев в цвету, наполнявших воздух сильным характерным

ароматом. Церквушка оказалась совсем маленькой: ее кирпичный фасад, едва ли метров двадцати в ширину, образовывал угол, примыкая к стене соседнего здания. Храм явно находился в плачевном состоянии: звонница-щипец укреплена деревянными перекладинами, внешняя стена подперта толстыми бревнами, леса из металлических труб частично закрывают изразцовое изображение Христа, окруженное ржавыми железными фонарями. Рядом, возле кучи гравия и мешков с цементом, возвышалась бетономешалка.

Так вот, значит, она какая. Минуты две Куарт стоял посреди площади – одна рука в кармане, в другой сложенный план, – разглядывая здание. Ему не удалось усмотреть ничего таинственного в это яркое утро, среди душистых апельсиновых деревьев, под невозможно-синим сеvilьским небом. Портик церкви, выполненный в стиле барокко, обрамляли две витые колонны, над которыми в небольшой нише виднелся лепной образ Девы Марии. «Пресвятая Богородица, слезами орошенная», – почти вслух произнес Куарт. Он сделал еще несколько шагов и, приблизившись к церкви, обнаружил, что у Девы Марии отсутствует голова.

Где-то поблизости несколько раз ударил колокол, сорвав с крыш окружавших площадь домов стаю голубей. Проследив взглядом, как она удаляется, Куарт снова повернулся к церкви. Но что-то изменилось для него. По-прежнему ярко сияло сеvilьское небо, по-прежнему источали аромат апельсиновые деревья, однако церковь... Он словно увидел ее другими

глазами. Эти старые бревна, подпиравшие стены, эта звонница, некогда крашенная охрой, но облупившаяся, как будто с нее клочьями содрали кожу, этот неподвижный колокол на полусгнившей, обвитой вьюнком перекладине придавали ей нечто мрачное и тревожное. «Церковь, которая убивает, дабы защитить себя», – говорилось в послании Вечерни. Куарт еще раз посмотрел на безголовую Богородицу и иронически усмехнулся про себя. Вот что значит поддаться внушению. Даже невооруженным глазом видно, что защищать здесь особенно нечего.

Для Лоренсо Куарта вера являлась понятием относительным, так что монсеньор Спада не слишком ошибался, называя его (лишь наполовину в шутку) хорошим солдатом. Его кредо заключалось не столько в принятии истин и откровений, сколько в том, чтобы действовать в соответствии со своим образом человека верующего; сама вера как таковая была вещью не столь уж обязательной. С этой точки зрения Католическая церковь с самого начала предложила ему то, что другим молодым людям предлагает военная служба: место, где в обмен на хотя бы внешнее принятие заведенных правил и порядков решение большей части твоих проблем берет на себя устав. Куарту эта дисциплина заменяла веру, которой у него не было. Весь парадокс – как верно уловила интуиция опытного архиепископа Спады – состоял в том, что именно это отсутствие веры плюс гордыня и неукоснительность, необходимые для поддержания ее, превращали Куарт-

та в великолепного исполнителя своего дела.

Разумеется, все имеет свои корни. Сын рыбака, погибшего в шторм вместе с лодкой и уловом, воспитанник простого, малообразованного деревенского священника, помогшего ему поступить в семинарию, прилежный ученик, проявивший такие блестящие способности, что им заинтересовалось высокое церковное начальство, Куарт обладал редкой ясностью и трезвостью ума, столь похожей на тихое помешательство, какое иногда приносят с собой восточный ветер и алые средиземноморские закаты. Однажды, еще ребенком, он несколько часов простоял на волноломе порта, под ветром и дождем, глядя, как далеко в море несчастные рыбаки пытаются добраться до гавани, прокладывая себе путь среди десятиметровых волн. Издали лодки казались крохотными, трогательно хрупкими среди этих водяных гор и белой пены; хрипя измученными моторами, они из последних сил пробивались к берегу. Одна уже потонула; а гибель рыбацкого баркаса означает не просто потерю самого суденышка; вместе с ним уходят на дно чьи-то сыновья, мужья, братья, родственники. Поэтому на молу возле маяка толпились женщины, одетые в черное; дети цеплялись за их руки и юбки, а они не отрывали напряженного взгляда от лодок, шевеля губами в безмолвной молитве и силясь угадать, которой из них не хватает. И когда наконец баркасы, один за другим, начали заходить в порт, мужчины, находившиеся на борту, поднимали головы вверх, туда, где стоял на волнорезе рядом с ма-

терью, сжимая ее ледяную руку, мальчик Лоренсо Куарт, и снимали свои мокрые береты и шапки. Дождь, ветер и волны по-прежнему хлестали подножие маяка, но больше никто не вернулся в гавань; и в тот день Куарт сделал для себя два вывода. Первый: бесполезно обращать свои молитвы к морю. Второй (скорее, не вывод, а решение): его никто и никогда не будет ждать на волноломе, леденя под безжалостным дождем.

Дубовая дверь с толстыми гвоздями была открыта. Куарт вошел в церковь, и навстречу ему дохнуло холодом, словно он приподнял могильную плиту. Сняв темные очки, он окунул пальцы в чашу со святой водой и, осеняя себя крестом, ощутил на лбу ее свежесть. С полдюжины деревянных скамей стояло перед алтарем (золото запрестольных украшений тускло поблескивало в глубине нефа), остальные же были сдвинуты в угол и поставлены одна на другую, чтобы освободить место для лесов. Воздух застоялся, пахло воском и вековой сыростью. Во всем помещении царил полумрак, за исключением одного угла, ярко освещенного откуда-то сверху. Подняв глаза к источнику света, Куарт увидел женщину, стоявшую высоко над ним, на лесах. Она фотографировала свинцовые переплеты витражей.

– Добрый день, – произнес Куарт.

Волосы ее были седые, как и у него; но в отличие от него ее седина не была преждевременной. Сорок с порядочным

хвостиком, прикинул он, когда женщина, чтобы рассмотреть его получше, перегнулась через перила лесов, в добрых пяти метрах над его головой. Затем, ухватившись за металлические поручни, она ловко спустилась вниз. Волосы ее были заплетены на затылке в короткую косичку; одежду составляли водолазка с длинными рукавами, джинсы, запачканные гипсом, и спортивные тапочки. Видя ее со спины, пока она спускалась, можно было подумать, что это юная девушка.

– Меня зовут Куарт, – представился он.

Женщина вытерла правую руку о джинсы и, протянув ее, коротко и сильно пожала руку Куарта.

– Я Грис Марсала. Я работаю здесь.

Она говорила с легким иностранным акцентом, скорее американским, чем английским; у нее были жесткие руки и светлые, дружелюбные глаза, окруженные сетью морщинок. А еще открытая, искренняя улыбка, не сходящая с ее лица, пока она с любопытством оглядывала вновь прибывшего с головы до ног.

– Вы священник, но вполне симпатичный, – заключила она наконец, задержавшись взглядом на стоячем воротничке его черной рубашки. – Мы ожидали чего-нибудь худшего.

– Вы ожидали?

– Да. Тут все ожидают посланца из Рима. Но мы представляли себе какого-нибудь коротышку в сутане, с черным чемоданчиком, полным молитвенников, распятий и прочих подобных вещей.

– Кто это – все?

– Не знаю. Все. – И женщина принялась считать, загибая испачканные гипсом пальцы: – Дон Приамо Ферро, местный священник. И его викарий, отец Оскар. – Ее улыбка чуть потускнела, будто ушла куда-то вглубь, чтобы ярче расцвести там. – Еще архиепископ, и алькальд¹⁷, и много других людей.

Куарт сжал губы. Он и не подозревал, что о его миссии так широко известно. Насколько он знал, Институт внешних дел проинформировал о ней только мадридскую нунциатуру и архиепископа Севильского. Нунций, конечно, тут ни при чем; значит, скорее всего, напакостил монсеньор Корво. Черт бы побрал его преосвященство.

– Не ожидал, что меня здесь так ждут, – холодно произнес Куарт.

Женщина пожала плечами, никак не отреагировав на его тон.

– Дело, в общем-то, не в вас, а в этой церкви. – Подняв руку, она обвела ею леса вдоль стен и почерневший потолок, весь в пятнах сырости и облупившейся краски. – В последнее время вокруг нее кипит немало страстей. А в Севилье никто не способен хранить секреты. – Она чуть наклонилась к собеседнику и понизила голос до иронически-конфиденциального: – Говорят, сам папа интересуется этим делом.

О господи! Куарт мгновение помолчал, глядя на носки своих ботинок, затем посмотрел прямо в глаза женщине. В

---

¹⁷ Алькальд – мэр.

конце концов, подумал он, для того чтобы начать разматывать клубок, эта ниточка ничем не хуже любой другой. Поэтому он придвинулся к Грис Марсала настолько, что почти коснулся ее плечом, и преувеличенно подозрительно огляделся по сторонам.

– Кто это говорит? – шепотом осведомился он.

Смех ее оказался таким же спокойным, как глаза и голос; он мягко рассыпался, отдаваясь от каменных стен.

– Думаю, архиепископ Севильский. Который, вообще-то, не слишком вам симпатизирует.

«Обязательно при первом же удобном случае отблагодарю его преосвященство», – мысленно поклялся Куарт. Женщина с лукавой усмешкой смотрела на него. Куарт, не собиравшийся поддерживать предлагаемую ею игру в сообщников более чем наполовину, поднял брови с невинностью опытного иезуита. Делать это он научился еще в семинарии. Как раз у одного иезуита.

– Вижу, вы хорошо информированы. Но не стоит обращать внимание на все, о чем говорят люди.

Грис Марсала расхохоталась:

– Да я и не обращаю. Но это забавно. Кроме того, я уже сказала вам, что работаю здесь. Я архитектор, ответственный за реставрацию этого храма. – Она обвела глазами помещение и невесело вздохнула. – Его нынешний вид внушает мало доверия к моим профессиональным качествам, правда?.. Но это очень длинная история – о бюджетах, которые никак

не утверждают, и о деньгах, которые никак не доходят по назначению.

– Вы американка.

– Да. Я занимаюсь этим уже два года по поручению фонда Эурнекиан, который оплатил треть стоимости первоначального проекта реставрации. Сначала нас было трое: кроме меня, еще двое испанцев; но они уехали... Уже давно работы почти остановлены. – Она внимательно посмотрела на Куарта, желая знать, какое впечатление произведет на него то, что она собиралась сказать. – И потом, эти две смерти...

Выражение лица Куарта осталось невозмутимым.

– Вы имеете в виду те несчастные случаи?

– Можно назвать и так, несчастные случаи. – Она продолжала наблюдать за реакцией собеседника и казалась разочарованной, оттого что он воздержался от каких бы то ни было комментариев. – Вы уже виделись с местным священником?

– Еще нет. Я прибыл только вчера вечером и даже не нанес визита архиепископу. Мне хотелось сначала посмотреть церковь.

– Ну что ж, вот она. – Грис Марсала сделала широкий жест рукой, как бы демонстрируя Куарту неф и главный алтарь, едва различимый в полумраке. – Севильское барокко восемнадцатого века, резьба работы Дуке Корнехо... Маленькая жемчужина, которая разваливается на части.

– А что случилось с фигурой Девы над дверью? Ведь ее голова пострадала явно не от времени.

– Верно. Это группа граждан в тридцать первом году отпраздновала по-своему провозглашение Второй республики.

Она произнесла это вполне доброжелательно, как будто в глубине души оправдывала покусившихся на образ. Кварт мысленно задал себе вопрос: интересно, сколько времени эта женщина уже находится в Севилье? Наверняка не один год. Ее испанский был безупречен, и, судя по всему, она чувствовала себя в этом городе как рыба в воде.

– Сколько времени вы живете здесь?

– Почти четыре года. Но я много раз бывала в Севилье и до этого. Впервые приехала как стипендиатка учиться, да так и не смогла оторваться от нее насовсем.

– Почему?

Она пожала плечами, как будто и сама не раз задавала себе подобный вопрос:

– Не знаю. Такое случается со многими из моих соотечественников, особенно с молодыми. В один прекрасный день они приезжают сюда – и больше не могут уехать. Остаются здесь, играют на гитаре, рисуют на площадях. Как-то устраиваются, чтобы зарабатывать на жизнь. – Она задумчиво посмотрела на прямоугольник солнечного света на полу, возле двери. – Что-то есть в этом свете, в цветах здешних улиц... нечто ослабляющее волю. Это как болезнь.

Кварт сделал несколько шагов и остановился, прислушиваясь, как эхо их голосов гулко отдается в глубине церкви. Слева на стене, полускрытой лесами, виднелся амвон с ве-

душей к нему винтовой лестницей, справа – исповедальня, пристроенная к маленькой молельне, служившей входом в ризницу. Кuart провел рукой по деревянной спинке одной из скамей, почерневшей от времени и долгого использования.

– Что скажете? – спросила женщина.

Кuart поднял голову. Вытянутый свод с люнетами перекрывал единственный прямоугольный неф, а все помещение в плане должно было иметь вид креста с сильно укороченными ветвями. Эллипсоидный купол, заканчивающийся башенкой без окон, когда-то украшали фрески, но разглядеть их было почти невозможно из-за толстого слоя копоти от пламени свеч и пожаров, покрывшего их за столетия. В нескольких местах угадывались фигуры ангелов и бородатых пророков, до такой степени изъеденные пятнами сырости, что их запросто можно было принять за портреты прокаженных.

– Не знаю, – помолчав, ответил Кuart. – Маленькая, красивая... Старая.

– Три века, – уточнила женщина, и эхо шагов вновь заметалось в стенах, когда она, сделав приглашающий жест собеседнику, двинулась по проходу между скамьями к главному алтарю. – В моей стране на здание, построенное триста лет назад, смотрели бы как на историческую драгоценность, к которой никто не смеет прикасаться. А тут, видите: такие места, как это, пропадают пропадом, но никто и пальцем не пошевелит.

– Может быть, их просто слишком много.

– Забавно слышать такое от священника. Впрочем, вы и не похожи на священника. – Она снова оглядела его с головы до ног с ироническим интересом, на сей раз не оставив без внимания безупречный покрой его легкого темного костюма. – Если бы не стоячий воротничок и черная рубашка...

– Я ношу их уже двадцать лет, – холодно прервал женщину Куарт, глядя ей не в глаза, а поверх ее плеча на стену зади. – Вы что-то говорили мне об этой церкви и о других подобных местах.

Грис Марсала слегка растерялась; склонив голову набок, она смотрела на него, явно стараясь решить, к какой категории знакомых ей мужчин следует его отнести. И, несмотря на всю непринужденность ее поведения, Куарт понял, что этот стоячий воротничок внушает ей робость. Как и всем им, подумал он: что старухам, что молодым – всем без исключения. Даже самая решительная из женщин может почувствовать себя неуверенно, когда какое-нибудь движение или слово напомнит ей, что она говорит со священником.

– Об этой церкви... – повторила Грис Марсала; а мысли ее, казалось, были заняты другим. – Но я не согласна с вами, что таких мест слишком много. В конце концов, речь идет о нашей памяти, вам не кажется?.. – Сморщив нос и губы, она несколько раз сильно топнула по истертым плитам пола, словно призывая их в свидетели. – Я убеждена, что гибель или потеря каждой старинной книги, каждой картины, каж-

дого здания делает нас как бы... немного сиротами, что ли. Обедняет нас. – Она проговорила это неожиданно горячо, и в какой-то момент в голосе ее прозвучала горечь. Заметив, что на сей раз Куарт смотрит на нее с удивлением, женщина снова улыбнулась. – Не имеет никакого значения, что я американка, – будто извиняясь за свой порыв, сказала она. – А может, как раз и имеет. Речь идет о наследии, принадлежащем всему человечеству. И никто не вправе бросать его на произвол судьбы.

– Поэтому вы так долго живете в Севилье?

Грис Марсала задумалась.

– Может быть, – наконец ответила она. – Во всяком случае, именно поэтому я сейчас нахожусь здесь, в этой церкви. – Она посмотрела вверх, задержавшись взглядом на витраже, у которого работала, когда появился Куарт. – А вам известно, что это последний храм, который построен в Испании при Австрийской династии?... Официально строительные работы были завершены первого ноября тысяча семисотого года, когда Карл Второй, последний представитель династии, умер, не оставив наследника. Так что на следующий день здесь отслужили первую мессу – за упокой души короля.

Они стояли перед главным алтарем. Косые лучи света, падавшие сквозь стекла витражей, мягко играли на самых выпуклых частях золоченой резьбы, тогда как фигуры, затененные лесами, едва проглядывались в полумраке. Куарт раз-

личил Деву Марию в центре, под широким балдахином, и у ее ног дарохранительницу, перед которой отвесил короткий поклон. По обеим сторонам, отделенные резными колоннами, виднелись ниши с образами святых, архангелов и мучеников.

– Это прекрасно, – с искренним восхищением произнес Куарт.

– И даже более того.

Зайдя за алтарь, Грис Марсала повернула выключатель, и яркий свет залил покрытые сусальным золотом колонны, медальоны, гирлянды, поражавшие ювелирной тонкостью работы. Конструктивные и декоративные элементы, человеческие фигуры, архитектурные и растительные мотивы сливались в единый изумительный, чарующий своей красотой ансамбль.

– Великолепно, – повторил пораженный Куарт и, подняв правую руку ко лбу, машинально перекрестился.

Сделав это, он заметил, что Грис Марсала внимательно смотрит на него, будто находя его жест неподходящим в данной обстановке.

– Вы что – никогда не видели, как крестятся священники? – Куарт скрыл испытываемую им неловкость за ледяной улыбкой. – Думаю, многие проделывали это здесь.

– Думаю, да. Но все они были не такие... другой тип, знаете ли.

– Существует только один тип священников, – ответил он,

не слишком задумываясь, лишь бы ответить что-то. – Вы католичка?

– Немного. Мой прадед был итальянцем. – Светлые глаза смотрели на него с дерзкой иронией. – Я достаточно четко представляю себе, что такое грех, если вы это имеете в виду. Но в моем возрасте...

Не закончив фразы, она коснулась рукой своих волос, собранных в короткую косичку. Куарт счел необходимым снова сменить тему.

– Мы говорили об этой резьбе, – сказал он. – И я выразил вам свое восхищение работой мастера... – Он глянул ей в глаза – серьезно, учтиво и отстраненно. – Может быть, начнем заново?

Грис Марсала снова склонила голову набок. Умная женщина, подумал Куарт. Однако было нечто ускользавшее от его понимания. Его хорошо натренированный инстинкт агента ИВД улавливал в ней какую-то нотку фальши, что-то выпадающее из уже сложившегося образа. Следовало приглядеться к ней поближе, так сказать, попытаться подобрать ключ, но для этого нужно было подхватить предложенный ею общезначимый тон, а Куарт предпочитал сохранять дистанцию.

– Прошу вас, – добавил он.

Еще несколько мгновений она смотрела на него искоса. Затем, утвердительно кивнув, вроде бы собралась улыбнуться, но так и не сделала этого, ограничившись коротким:

– Согласна.

Она повернулась к алтарю и резной стене за ним, вздымавшейся до самого свода. Кuart последовал ее примеру.

– Как я уже сказала, – заговорила женщина, – все это со-
здал в тысяча семьсот одиннадцатом году скульптор Педро
Дуке Корнехо. Он взял за работу две тысячи эскудо по во-
семь серебряных реалов каждый, и она действительно стои-
ла того. Ведь эта резьба – настоящее чудо. В ней воплощены
вся неумемная фантазия и дерзость севильского барокко.

Изумительной красоты фигура Девы Марии, около метра
высотой, была раскрашена в натуральные цвета. На ней был
синий плащ, разведенные руки повернуты ладонями вперед.
Пьедесталом ей служил полумесяц, а под правой ногой кор-
чилась раздавленная змея.

– Она очень красива, – сказал Кuart.

– Ее сделал Хуан Мартинес Монтаньес почти на целый
век раньше... Она принадлежала герцогам дель Нуэво Экс-
тремо, а поскольку один из них помог выстроить эту цер-
ковь, его сын подарил ей этот образ. Название появилось из-
за этих слез.

Кuart внимательно оглядел фигуру. Снизу ему были хо-
рошо видны блестящие слезинки на ее лице, короне и по-
крывале.

– По-моему, они немного великоваты.

– Вначале это были хрустальные шарики меньшего разме-
ра. А то, что вы видите сейчас, – жемчужины. Двадцать на-

стоящих жемчужин, привезенных из Америки в конце прошлого века. Другая часть этой истории покоится там, в склепе.

– А разве здесь есть склеп?

– Да. Вход в него там, справа от алтаря, в молельне: она не для общего пользования. Там покоятся несколько поколений герцогов дель Нуэво Экстремо. Это один из них, Гаспар Брунер де Лебриха, в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году уступил часть своей земли для постройки этой церкви – при условии, что в ней еженедельно будут служить мессу за упокой его души. – Она указала на нишу справа от Девы Марии, где виднелась коленапреклоненная фигура молящегося рыцаря. – Вон он, видите?.. Тоже работа Дуке Корнехо, как и фигура слева, изображающая его жену... Строительство было поручено Педро Ромеро, доверенному архитектору, работавшему также и для герцога де Медина-Сидония. Так вот и началась связь дома дель Нуэво Экстремо с этой церковью. Сын дарителя, Гусман Брунер, оплатил стоимость резьбы с изображениями его родителей и в том же тысяча семьсот одиннадцатом году передал сюда фигуру Богородицы... Конечно, со временем эта связь стала менее тесной, но продолжается до сих пор. И кстати, имеет самое непосредственное отношение к конфликту.

– К какому конфликту?

Грис Марсала не отрывала взгляда от резьбы, будто и не слышала вопроса. Потом, коротко вздохнув, провела рукой

по шее.

– Ну... это можно назвать как угодно. – В ее тоне, вроде бы легком, слышалась принужденность. – Скажем так: все застряло на мертвой точке. Это относится и к Макарене Брунер, и к ее матери – старой герцогине, и ко всем остальным.

– Я еще не знаком с дамами семейства Брунер.

Когда Грис Марсала обернулась к Куарту, в ее светлых глазах он подметил лукавый блеск.

– Правда?.. Что ж, познакомитесь. – Она снова сделала паузу и склонила голову набок, как будто находя ситуацию забавной. – С обеими.

Куарт слышал, что она тихонько рассмеялась, поворачивая выключатель. Темнота снова поглотила алтарь и все, что находилось за ним.

– Что здесь происходит? – спросил Куарт.

– Где – в Севилье?

– Я имею в виду в этой церкви.

Грис Марсала ответила не сразу.

– Это вам надлежит разобраться во всем, – проговорила она наконец. – Для этого вас и прислали.

– Но ведь вы здесь работаете. Наверняка у вас имеется свое мнение обо всем.

– Разумеется. Но я держу его при себе. Знаю только, что больше людей заинтересовано в том, чтобы церковь исчезла, чем в том, чтобы она продолжала стоять на своем месте.

– Почему?

– О, я не знаю. – Сообщнический тон улетучился. Теперь она держала дистанцию, и, казалось, между ними вновь дохнуло струей холода, жившего в этих гулких стенах. – Может, потому, что в этом квартале квадратный метр земли стоит целое состояние... – Она мотнула головой, будто отгоняя докучливые мысли. – Кто-нибудь наверняка расскажет вам об этом.

– Но вы сказали, что у вас есть собственное мнение.

– Я так сказала?.. – Она улыбалась уголком рта, но как-то натянуто, словно бы через силу. – Возможно. Во всяком случае, меня это никак не касается. Мое дело – спасать здесь что можно, пока есть чем оплачивать работы. Хотя с этим у нас туго.

– Почему же тогда вы здесь в одиночестве?

– Работаю сверхурочно. С тех пор как я занимаюсь этой церковью, мне не попадалось никакой другой работы, так что у меня очень много свободного времени.

– Много свободного времени, – повторил Куарт.

– Да, много. – В ее голосе опять прозвучала нотка горечи. – И мне больше некуда идти.

Куарт, заинтригованный, собирался было еще раз задать свой вопрос, когда звук шагов за спиной заставил его обернуться. В дверях, как в раме, виднелся неподвижный черный маленький силуэт; его темная тень пересекала прямоугольник яркого света на плитах пола.

Также обернувшаяся Грис Марсала взглянула на Куарта с

какой-то странной улыбкой:

– Пора вам уже познакомиться со здешним священником, вам не кажется?.. Я имею в виду дона Приамо Ферро.

После того как Селестино Перехиль вышел из бара «Ка-са Куэста», дон Ибраим принялся незаметно пересчитывать под столом банкноты, оставленные троице помощником банкира Пенчо Гавиры на ближайšie расходы.

– Сто тысяч, – объявил он, закончив считать.

Удалец из Мантелете и Красотка Пуньялес молча кивнули. Дон Ибраим разделил деньги на три пачки по тридцать три тысячи в каждой и, спрятав одну во внутренний карман пиджака, передал остальные сообщникам. Оставшуюся тысячу он выложил на стол.

– Что скажете? – спросил он.

Удалец из Мантелете, нахмутив брови, разгладил банкноту и всмотрелся в изображение Эрнана Кортеса.

– По-моему, настоящая, – осторожно заметил он.

– Я имею в виду работу. Заказ, который мы получили.

Удалец продолжал молча разглядывать банкноту; Красотка Пуньялес пожала плечами.

– Это деньги, – изрекла она таким тоном, как будто этим все было сказано. – Но связываться с попами – дело паршивое.

Дон Ибраим сделал жест, долженствующий означать: ну-ну, все не так уж серьезно. Он сделал его левой рукой, в кото-

рой, по соседству с массивным золотым перстнем, дымилась сигара, и комочек пепла снова шлепнулся на белые брюки.

– Мы все устроим очень деликатно, – пропыхтел адвокат, с трудом перегибаясь через собственный живот, чтобы стряхнуть пепел.

Красотка Пуньялес сказала «аха», а Удалец из Мантелете кивнул, по-прежнему не отрывая глаз от банкноты. Удальцу было лет сорок пять, и каждый прожитый год оставил свой след на его лице. Молодость новильеро-неудачника¹⁸ запорошила его глаза и горло горькой пылью многочисленных поражений на третьесортных аренах и пометила шрамом пониже правого уха – на память о роге очередного бычка. Что же касается его недолгой и нескладной боксерской карьеры, вдохновляемой надеждами на титул чемпиона Андалусии и весе пера среди сверхсрочников Испанского легиона, единственное, что дала она Удальцу, – это сломанный нос, шишковатые, в нескольких местах рассеченные шрамами брови и некоторую замедленность рефлексов, когда нужно было связать воедино действие, слово и мысль. Зато ему хорошо удавалась роль уличного дурачка, каких охотно угощают и одаривают деньгами заезжие туристы: очень уж натурально получался у него этот беззащитный взгляд в пустоту, словно в ожидании третьего звонка или начала некоего, одному лишь ему ведомого обратного отсчета.

– Главное – чтобы деликатно, – медленно проговорил Уда-

---

¹⁸ *Новильеро* – тореро, выступающий в боях с молодыми бычками.

лец.

– Аха, – подтвердила Красотка.

Брови Удальца все еще были сдвинуты, как всегда, когда ему приходилось что-то обдумывать. Точно так же, хмурясь от напряжения мысли, он в один прекрасный день вошел в свой дом и застал следующую картину: его брат-паралитик сидел в своем инвалидном кресле на колесах с брюками, спущенными до колен, а на них – на коленях – ерзала, под красноречивые вздохи и стоны обоих, свояченица брата, то есть жена Удальца. Не торопясь, не говоря ни слова, тихонько кивая в такт бормотанию брата, уверявшего, что это чистое недоразумение и что он может сию же минуту все объяснить, Удалец из Мантелете зашел за кресло, поднял его, почти с нежностью донес до лестничной площадки и спустил с лестницы вместе с владельцем, в результате чего оно кубарем пронеслось по тридцати двум ступенькам, погромыхивая на каждой, а финалом этого полета явился перелом основания черепа с летальным исходом. На долю женщины досталась методичная, высоконаучно заданная трепка, имевшая результатом два подбитых глаза и один получасовой нокаут (у Удальца всегда неплохо получался хук левой), после которого, придя в себя, она собрала свои вещи и исчезла навсегда. С братом вышло гораздо сложнее: прокурор потребовал для Удальца тридцать лет тюрьмы, и лишь благодаря искусству адвоката судья заменил «преднамеренное убийство» на «непреднамеренное», в результате чего обвиняемый был

оправдан в связи с недоказанностью наличия у него преступных намерений. Этим адвокатом был дон Ибраим, чей диплом, выданный в Гаване, севильская Коллегия адвокатов все еще считала подлинным. Однако с титулом или без титула, а бывший тореадор и боксер на всю жизнь проникся благодарностью и привязанностью к ушедшему законнику, буквально по дюйму отвоевывавшему его свободу. Этот разрушенный очаг, Ваша Честь. Этот брат-предатель, напряженность момента, интеллектуальный уровень моего подзащитного, отсутствие *animus necandi*¹⁹, инвалидная коляска без тормозов. С тех пор Удалец из Мантелете был верен своему благодетелю слепой, героической, нерушимой верностью, которая стала еще более самоотверженной (если это только возможно) после позорного изгнания дона Ибраима из адвокатской коллегии. То была молчаливая, непоколебимая верность борзого пса, готового на все по приказу хозяина или ради его ласки.

– По-моему, все-таки там чересчур много попов, – настойчиво повторила Красотка Пуньялес.

Серебряные браслеты снова зазвенели, когда она принялась вертеть в пальцах свой пустой бокал. Дон Ибраим и Удалец переглянулись, и экс-лжеадвокат заказал еще три бокала «Ла Ины», а на закуску несколько ломтиков копченого мяса. Не успел официант поставить на столик холодный херес, как Красотка схватила свой бокал и осушила его одним глотком.

---

¹⁹ Желание убить (*лат.*).

Мужчины отвели глаза, сделав вид, что ничего не заметили.

Вино, горькое вино радости не дарит,
Кружит голову оно, а забвенья нет... —

тихо, надрывно пропела Красотка, в паузах облизывая губы, красные от помады и блестящие от влаги только что выпитого вина. Удалец, не глядя на нее, прошептал: «Оле!» — легонько пристукивая в такт ладонью по мраморной крышке стола. У Красотки Пуньялес глаза были темные, как в песнях, большие, трагические, сильно накрашенные и подведенные черным карандашом так, что казались просто огромными на худом лице со следами былой красоты и с завитком крашенных волос, аккуратно выложенным на увядшем лбу. Перебрав хереса или мансанильи, она, бывало, начинала рассказывать, что некий мужчина, смуглый, как зеленая луна²⁰, ради нее убил другого ударом навахи²¹, как в ее песнях, и рылась в сумочке в поисках газетной вырезки, наверняка давно уже потерянной. Если эта история случилась на самом деле, это, должно быть, произошло в те времена, когда Красотка Пуньялес не сходила с афиш: юная цыганка, диковатая, вольная и прекрасная, восходящая звезда испанской песни. Преемница, как говорили, великой доньи Кончи Пикер. Ныне же, спустя три десятка лет после ослепительного

---

²⁰ Слова из «Сомнамбулического романа» Федерико Гарсиа Лорки.

²¹ *Наваха* — длинный нож.

мига славы, ее неудачи, ее грустная легенда и ее песни кочевали вместе с ней по заляпанным вином столам и третьесортным залам, где Красотка Пуньялес устало стучала каблуками о грязные доски сцены, развлекая туристов в рамках экскурсии «Ночная Севилья», включавшей в себя ужин и фольклорную программу.

– С чего начнем? – спросила она, глядя на дона Ибраима.

Удалец из Мантелете тоже оторвал глаза от стола, чтобы устремить их на человека, которого он почитал выше всех в мире – после покойного тореро Хуана Бельмонте. Сознывая лежащую на нем ответственность, экс-лжеадвокат глубоко затянулся сигарой и дважды прочитал про себя названия блюд, написанные мелом на небольшой черной доске рядом со стойкой бара. Котлеты. Потроха. Анчоусы жареные. Яйца под соусом бешамель. Язык под соусом. Язык тушеный.

– Как сказал – и притом весьма верно сказал – Гай Юлий Цезарь, – начал он, сочтя наконец, что помолчал достаточно для того, чтобы придать больший вес своим словам, – *Gallis est omnia divisa in partibus infidelibus*²². Что значит: прежде чем предпринять что-либо, необходима оптическая рекогносцировка. – Дон Ибраим обвел глазами окружающую обстановку, как генерал, держащий речь перед своим шта-

---

²² Фраза составлена из фрагментов двух латинских фраз («Галлия по всей своей совокупности разделяется» и «в странах неверных») и в целом смысла не имеет.

бом. – Визуальное обследование местности, если вы понимаете, что я имею в виду. – Он с сомнением поморгал глазами. – Вы понимаете?

– Аха.

– Да.

– Я рад. – Дон Ибраим провел указательным пальцем по усам, явно удовлетворенный моральным состоянием своего войска. – Я хочу сказать, что нам следует посмотреть на эту церковь и на все остальное. – Он взглянул на Красотку Пуньялес, чье благочестие было ему хорошо известно. – Разумеется, со всем почтением, с каким надлежит относиться к подобным священным местам.

– Я знаю эту церковь, – чуть заплетающимся языком проговорила Красотка. – Она очень старая и вечно в лесах. Иногда я захожу туда послушать мессу.

Как добропорядочная представительница народного искусства, она была очень набожна. В свою очередь, дон Ибраим, хотя и признававший себя агностиком, уважал свободу вероисповедания. Заинтересованный, он поближе придвинулся к столу. Точная предварительная информация, читал он у кого-то – кажется, у Черчилля, а может, у Фридриха Великого, – есть мать всех побед.

– Что представляет собой священник? Я имею в виду того, кто служит в этой церкви.

– Такой, какие были прежде. – Красотка Пуньялес наморщила лоб и пожевала губами, вспоминая. – Старый, серди-

тый... Однажды выгнал туристок, которые зашли посреди мессы. Сошел с алтаря и, как был, во всем облачении, задал им перцу, потому что они заявили в коротких штанах. Это вам не курорт и не цирк, говорит, так что проваливайте. Так и вышвырнул их на улицу.

Дон Ибраим одобрительно покивал:

– Муж святой и достойный, как я вижу.

– Аха.

– Добродетельный служитель Церкви.

– Это уж точно, дальше некуда.

Дон Ибраим задумался. Потом, выпустив колечко дыма, понаблюдал, как оно тает в воздухе. Вид у него теперь был озабоченный.

– Выходит, нам придется иметь дело со священником, у которого есть характер, – заключил он уже менее одобрительно.

– Не знаю, как насчет характера, – отозвалась Красотка Пуньялес, – но мужик он колючий.

– Я так и понял. – Дон Ибраим выпустил еще одно колечко, но на этот раз оно получилось кривым и расплывчатым. – В общем, этот достойный служитель Божий может создать нам проблемы. Я имею в виду, воспрепятствовать нашей стратегии.

– Да не просто воспрепятствовать, а совсем провалить нам все дело.

– А другой священник? Этот молодой викарий?

– Его я видела всего пару раз, он помогал во время мессы. Такой тихий, скромненький. Вроде помягче старика.

Дон Ибраим посмотрел через окно на другую сторону улицы, где над витриной обувного магазина «Ла Валенсиана» болтались деревенские бурдюки для вина, подвешенные к краю навеса. Потом с внезапным тоскливым чувством перевел взгляд на лица мужчины и женщины, сидевших перед ним. В другое время он послал бы ко всем чертям Перехиля вместе с его заказом либо, что более вероятно, потребовал бы больше денег. Однако при нынешнем положении вещей выбирать особенно не приходилось. Он грустно оглядел густо накрашенные губы Красотки, фальшивую родинку, ногти с облупившимся по краям красным лаком, худые пальцы, сомкнувшиеся вокруг пустого бокала. Затем, переведя глаза левее, встретил преданный взгляд Удальца из Мантелете и закончил обзор на собственной руке, покоящейся на столе: в ней была зажата гаванская сигара, а рядом на безымянном пальце поблескивал перстень, фальшивый, как Иуда, который время от времени ему удавалось толкнуть (у дона Ибраима их было несколько) за тысячу дура какому-нибудь неосторожному туристу в одном из баров Трианы. Эти двое были его люди, почти что его семья, и он нес за них ответственность. За Удальца – в благодарность за его верность в несчастье. За Красотку – потому что экс-лжеадвокат никогда не слышал, чтобы кто-нибудь пел «Плащ ало-золотой» лучше, чем она, когда, только что прибыв в Севилью, увидел

ее на сцене. Лично они познакомились уже гораздо позже, когда Красотка Пуньялес, постаревшая от выпитых рюмок и прожитых лет, выступала в очередь с другими в паршивеньком таблао²³, сама похожая на героинь песен, которые она пела своим надтреснутым, немыслимым голосом, от которого мурашки бежали по спине: «Волчица», «Романс об отваге», «Фальшивая монета», «Татуировка». В ночь их встречи дон Ибраим поклялся самому себе вырвать ее из тьмы забвения – только во имя Искусства. Ибо, несмотря на клевету севильской Коллегии адвокатов, несмотря на то, что писала местная пресса, когда его во что бы то ни стало хотели засадить в тюрьму из-за этого идиотского диплома, на который, в общем-то, всем было наплевать, несмотря на то, что ему приходилось заниматься чем угодно, чтобы заработать на жизнь, он не был ничтожеством. Дон Ибраим вскинул голову, машинально поправил цепочку часов между карманами жилета. Он был достойным человеком, которому не очень везло.

– Речь идет о простом стратегическом вопросе, – задумчиво повторил он вслух, больше для того, чтобы убедить самого себя, и ощутил на себе исполненные надежды взгляды своих товарищей.

Селестино Перехиль обещал три миллиона, но, возможно, удастся вытянуть из него больше. Говорили, что Перехиль работает мелкой сошкой при крупном банкире. Это

---

²³ *Таблао* – зал с подмостками для выступлений исполнителей народных песен и танцев.

пахло деньгами, а троица весьма нуждалась в наличных, чтобы заложить основу для осуществления давней мечты. Дон Ибраим был человеком начитанным, хотя и несколько поверхностно (в противном случае ему не удалось бы и недели проадвокатствовать в Севилье), и, как скупец золото, копил в памяти цитаты, выуженные из прочитанного. Что же касается мечтаний, он был не из тех, кто грезит наяву с открытыми глазами. Он не слишком обольщался насчет глаз Удальца и Красотки и держал свои открытыми за всех троих.

Он с нежностью взглянул на Удальца из Мантелете, медленно жевавшего длинную полоску копченого мяса.

– А ты что скажешь, чемпион?

Удалец еще с полминуты продолжал молча жевать.

– Думаю, мы справимся, – произнес он наконец, когда остальные двое уже почти забыли о заданном вопросе. – Если Господь нам подсобит.

Дон Ибраим испустил вздох, означавший смирение и покорность судьбе:

– В том-то и вся проблема. В этом деле замешано столько попов, что неизвестно, чью сторону он возьмет.

Удалец улыбнулся – впервые за это утро, и улыбка его была исполнена веры. Он всегда улыбался так – истово, но редко, как будто необходимое для улыбки мышечное усилие было чрезмерно для его лица, искаленного бычьими рогами и перчатками соперников по рингу.

– Пусть все будет так, как лучше для Дела, – сказал он.

Красотка Пуньялес негромко и нежно произнесла: «Оле!» – в знак одобрения.

Поклялся он любить меня,
Не утрашась и смерти...

Она пела вполголоса, положив руку на рукав Удальца из Мантелете. С момента своего при столь драматических обстоятельствах происшедшего развода Удалец жил бобылем, ни с кем даже временно не связывая свою жизнь, и дон Ибраим подозревал, что он втайне любит Красотку, хотя и не выдает своих чувств из уважения к ней. А она, заковав себя в одиночество, освященное романтикой ее грез, хранила верность памяти о мужчине с зелеными глазами, ожидавшем ее на дне каждой бутылки.

Что касается самого дона Ибраима, то никому и никогда еще не удавалось представить убедительных доказательств его амурных походов, хотя он любил иногда, в ночи, заполненные мансанильей и перебором гитарных струн, неясно упомянуть о романтических моментах своей карибской юности, когда он был дружен с Бени Море – Королем ритма, с Пересом Прадо, более известным как Карафока²⁴, и с мексиканским актером Хорхе Негрете, пока они еще не рассорились. О тех временах, когда Мария Феликс²⁵, божествен-

---

²⁴ *Бени Морé, Карафока* – знаменитые кубинские певцы и музыканты.

²⁵ *Мария Феликс* (1914–2002) – крупнейшая мексиканская актриса.

ная Мария, которую почтительно величали Доньей – вот так, с большой буквы, – подарила ему трость из черного дерева с серебряным набалдашником – в ночь, когда с доном Ибраимом и бутылью текилы (марки «Эррадура Репосадо» емкостью один литр) она изменила Агустину Ларе²⁶, после чего этот всегда элегантный доходяга, совершенно раздавленный известием о ее неверности, сочинил свою бессмертную песню, чтобы хоть как-то утешиться и облегчить тяжесть отросших рогов. Лицо дона Ибраима озарялось улыбкой и молодело при воспоминании (возможно, даже соответствующем действительности) об Акапулько, о его пляжах, о тех ночах. Ах, Мария, красавица Мария, цветок души моей²⁷. А Красотка Пуньялес, между бокалами «Ла Ины» и мансанильи, тихонько напевала песню о той, которую он закружил и увлек²⁸. А Удалец, сидя рядом, безмолвствовал: массивная, словно вытесанная из камня, фигура, лишенная тени, ибо тень эта до сих пор ошалело бродила где-то по брезенту рингов и песку задрипанных арен. Вот так – в неразделенной, но взаимной любви – и существовал этот своеобразный треугольник, рожденный закатами, табачным дымом, вином, аплодисментами, дальними берегами и тоской о том, что было, а может, и не было. И с тех пор как превратности судьбы

---

²⁶ *Агустин Лара* – выдающийся мексиканский композитор и музыкант, автор популярной песни «Красавица Мария».

²⁷ Слова из песни «Красавица Мария».

²⁸ Слова из песни «Красавица Мария».

свели их вместе в Севилье, подобно тому, как сближаются в реке пробки, гонимые течением, члены живописной троицы вместе болтались в бесконечном прибое жизни, держась, как за спасательный круг, за свою странную дружбу, благородная цель которой открылась им как-то на рассвете, после продолжительной, безмятежной попойки на берегу тихо струящего свои широкие воды Гвадалквивира. И целью этой было Дело. Когда-нибудь они раздобудут достаточно денег, чтобы устроить классный таблао. Они назовут его Храмом песни, и там наконец будет воздано должное искусству Красотки Пуньялес, и там будет жить испанская песня.

– Душа моя, —

Говорил он, пьянея от страсти... —

продолжала тихонько напевать Красотка. В «Каса Куэста» вошла продавщица лотерейных билетов, выкрикивая: «Главный приз – пятнадцать тысяч!» – и дон Ибраим купил у нее три билета. Затем подозвал официанта, чтобы расплатиться, величественно потребовал свою трость – подарок красавицы Марии – и белую соломенную шляпу, после чего с некоторым трудом поднялся на ноги. Удалец из Мантелете вскочил, как будто заслышав гонг, отодвинул стул Красотки, и оба, на полшага позади нее, направились к двери. Банкноту с портретом Эрнана Кортеса они оставили на столе в качестве чаевых. В конце концов, это был особенный день. А дон Иб-

раим, как пробормотал Удалец в оправдание подобной щедрости, был настоящим кабальеро.

Вновь прибывший вошел в церковь, и свет яркого дня, лившийся из двери на плиты пола, ослепил Лоренсо Куарта. Ему пришлось несколько раз моргнуть, а когда его глаза снова начали различать что-то в полумраке храма, дон Приамо Ферро уже стоял перед ним. И, всмотревшись в него, Кuart понял, что все будет гораздо сложнее, чем он ожидал.

– Я отец Кuart, – представился он, протягивая руку. – Только что прибыл в Севилью.

Его рука повисла в воздухе, словно остановленная подозрительным взглядом пронзительных черных глаз.

– Что вы делаете в моей церкви?

Плохое начало, подумал Кuart, медленно убирая руку и разглядывая стоявшего перед ним человека. Дон Приамо Ферро был и с виду так же колюч, как его голос: маленький, сухой, с непричесанными, кое-как подстриженными седыми волосами, в поношенной, в пятнах сутане, из-под которой высовывались старые ботинки, не чищенные уже лет этак пять или шесть.

– Я счел целесообразным немного полюбопытствовать, – спокойно ответил Кuart.

Больше всего беспокоило его лицо старого священника, изборожденное во всех направлениях морщинами, складками и мелкими шрамами, придававшими ему жесткое, суро-

вое и одновременно измученное выражение; это лицо напомнило Куарту сделанные с самолета фотографии пустынь, на которых видны следы разрушения, трещины земной коры, глубокие русла исчезнувших рек, прорубленные временем в земле и камне. А еще были глаза: темные, мужицкие, глубоко сидящие в глазницах и смотрящие оттуда на мир безо всякой симпатии. Эти глаза смерили Куарта с головы до ног, задержавшись, как он заметил, на серебряных запонках его рубашки, на покрое костюма и, наконец, на его лице. И похоже, увиденное весьма мало удовлетворило их.

– Вы не имеете права находиться здесь.

Тяжелый случай, подумал Куарт и повернулся к Грис Марсала в надежде на ее содействие, хотя и понимая, что вряд ли получит его: женщина за все время ни словом не вмешалась в их малоприятный диалог.

– Отец Куарт хотел повидаться с вами, – нехотя проговорила американка.

Глаза старого священника продолжали сверлить непрошеного гостя:

– Для чего?

Посланник Рима примирительно поднял левую руку, и взгляд его собеседника тут же с неодобрением отметил блеск дорогого «Гамильтона» на его запястье.

– Мне нужна информация об этом месте. – Куарту уже было ясно, что первый контакт провалился, однако он решил сделать еще одну попытку. В конце концов, в этом и заклю-

чалась его работа. – Хорошо бы нам с вами поговорить, пад-ре.

– Мне не о чем говорить с вами.

Куарт набрал в легкие воздуха и медленно выдохнул его. То, что происходило, похоже, было наказанием за его прошлые грехи; оно подтверждало его худшие опасения, а кроме того, вызывало к жизни призраки, которые ему нисколько не хотелось воскрешать. Все, что он ненавидел, вдруг воплотилось перед ним в этой тщедушной фигуре; нищета, потрепанная сутана, недоверие и подозрительность деревенского священника, твердолобого, неотесанного, годящегося только для того, чтобы грозить адскими муками да исповедовать прихожанок, от чьего невежества его самого отделяли лишь несколько лет, с грехом пополам проведенных в семинарии, да жалкие крохи латыни. «Нелегко мне придется, – подумал он. – Очень нелегко. Если этот старик и есть Вечерня, то оказанный им прием является безупречным с точки зрения камуфляжа».

– И тем не менее простите, – настойчиво повторил Куарт, доставая из внутреннего кармана пиджака конверт с оттиснутыми в углу тиарой и ключами святого Петра. – Я полагаю, есть много такого, о чем нам следовало бы поговорить. Я направлен сюда Институтом внешних дел с особым поручением, а это послание, адресованное вам службой Государственного секретаря, является подтверждением моих полномочий.

Дон Приамо Ферро взял конверт и, даже не взглянув на него, разорвал пополам. Обрывки, порхая, опустились на пол.

– Мне плевать на ваши полномочия.

Он смотрел на Куарта снизу вверх, маленький, взъерошенный, и во всем его облике читался вызов. Шестьдесят четыре года, говорилось в информации, лежавшей на столе в гостиничном номере Куарта. Двадцать с лишним лет в сельском приходе, десять в Севилье. Он хорошо смотрелся бы на пару с Мاستифом на арене Колизея; так легко было представить его себе юрким, опасным ретиарием²⁹, с трезубцем в руке и сетью на плече караулящим каждый неверный шаг противника под кровожадные крики трибун. За свою достаточно долгую профессиональную жизнь Куарт научился с первого взгляда различать, кого из людей, с которыми ему приходилось иметь дело, следует остерегаться. А отец Ферро был как раз таким – ограниченным, упертым священником из глубинки. Неплохо он выглядел бы и при захвате Теночтитлана³⁰, переходящим вброд лагуну по пояс в воде и с вознесенным над головой крестом. Или где-нибудь в Крестовых походах перерезающим горло неверным и еретикам.

– И я не знаю, что это там за штука насчет внешних дел, – прибавил священник, не отводя глаз от Куарта. – Я подчи-

---

²⁹ *Ретиарий* – гладиатор, выступающий вооруженным трезубцем и сетью.

³⁰ *Теночтитлан* (ныне Мехико) – столица империи ацтеков, захваченная испанцами в 1521 г.

няюсь архиепископу Севильскому.

Который, судя по всему, хорошо подготовил почву к приезде столь несимпатичного ему посланника из Рима. Однако Куарт сохранял спокойствие. Снова сунув руку во внутренний карман пиджака, он показал уголок другого конверта – такого же, как тот, что валялся на полу у его ног.

– С ним я как раз собираюсь встретиться.

Священник презрительно кивнул, но неясно было, относится ли его презрение к намерениям Куарта или же к личности монсеньора Корво.

– Встретьтесь, встретьтесь, – резко отозвался он. – Я обязан подчиняться архиепископу, и, когда он прикажет мне поговорить с вами, я поговорю. А до тех пор забудьте о моем существовании.

– Меня специально прислали из Рима. Кто-то попросил нас вмешаться в это дело. Полагаю, вы в курсе.

– Я не просил ни о чем. И, как бы то ни было, до Рима отсюда очень далеко, а эта церковь моя.

– Ваша.

– Вот именно.

Куарт ощутил на себе взгляд Грис Марсала, выжидательно наблюдающей за обоими. Он вздернул подбородок и мысленно сосчитал до пяти.

– Это не ваша церковь, отец Ферро, это наша церковь.

Ферро несколько мгновений помолчал, глядя на два куска бумаги на полу, потом повернул голову в сторону со стран-

ным выражением – ни гримасой, ни улыбкой – на морщинистом, испещренном шрамами лице.

– В этом вы тоже ошибаетесь, – произнес он наконец, как будто ставя последнюю точку в разговоре, и направился вдоль лесов к ризнице.

О господи! Совершая насилие над собой, Куарт сделал последнюю попытку примирения. Он хотел, чтобы его совесть была чиста в час, когда всем и каждому придется получать по заслугам. Этому старику, подумал он, подавляя ярость, пропишут все, что положено. Семьдесят раз по семь лет.

– Я приехал, чтобы помочь вам, падре, – сказал он вслед священнику; сделав это усилие, он успокоился.

Произнеся эти слова, он исполнил долг, предписываемый смирением и церковным братством. С этого момента не один лишь отец Ферро сможет чувствовать себя проводником гнева Господня.

Старый священник задержался перед главным алтарем, чтобы преклонить колена, и Куарт услышал короткий, резкий смешок, ничего общего не имеющий с юмором.

– Помочь мне?.. Не знаю, чем может мне помочь такой человек, как вы. – Вставая, он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на Куарта, и его голос эхом отозвался под куполом храма. – Я хорошо знаю таких, как вы... Эта церковь нуждается совсем в иной помощи, которую вы не сможете вытащить из своих драгоценных карманов. А теперь уходите. Мне через двадцать минут крестить.

Грис Марсала проводила его до дверей. Куарт, призвав на помощь всю свою дисциплинированность и хладнокровие, чтобы не выдать досады и разочарования, выслушал без особого внимания ее попытки оправдать священника. На него сильно давят, говорила архитекторша. Политики, банки и люди архиепископа так и бродят вокруг, как стая волков. Если бы не упрямство отца Ферро, церковь бы уже давно снесли.

– Возможно, в конце концов ее все-таки снесут, – заметил Куарт, давая небольшой выход своим чувствам. – Благодаря ему. И с ним вместе.

– Не говорите так.

Она была права. Ему не следовало говорить подобных вещей. Абсолютно не следовало, упрекнул себя Куарт, вновь обретая самообладание и глубоко вдыхая аромат цветущих апельсиновых деревьев, буквально окутавший обоих, как только они оказались на улице. В уголке, образованном фасадом церкви и стеной соседнего здания, возле бетономешалки, орудовал лопатой рабочий. Куарт рассеянно скользнул по нему взглядом, шагая по площади рядом с архитекторшей.

– Я не понимаю его поведения, – проговорил он. – В конце концов, я на его стороне. Церковь на его стороне.

Грис Марсала иронически глянула на него:

– Какую Церковь вы имеете в виду?.. Римскую? Или архиепископа Севильского? А может быть, самого себя?.. – Она

недоверчиво покачала головой. – Нет. Он прав и знает, что прав. На его стороне нет никого.

– Это меня не удивляет. Похоже, он любит сам создавать себе проблемы.

– Их у него хватает. Его конфликт с епископом – это открытая война... Что же касается алькальда, то он грозит подать жалобу в суд: он считает оскорбительными выражения, употребленные доном Приамо по отношению к нему во время воскресной проповеди пару недель назад.

Куарт остановился, заинтересованный. В информации, полученной им от монсеньора Спады, об этом ничего не говорилось.

– Что же он сказал?

Архитекторша усмехнулась углом рта:

– Он назвал его низким спекулянтом, недобросовестным священнослужителем и бессовестным политиком. – Она искоса взглянула на Куарта, ловя выражение его лица. – Вот так, насколько я помню.

– И часто он произносит такие проповеди?

– Только когда сильно разгорячится. – Грис Марсала помолчала, размышляя. – Пожалуй, в последнее время довольно часто. Он говорит о менялах, наводнивших храм, и так далее.

– О менялах, – повторил Куарт.

– Да. Среди прочих.

Куарт постоял, подняв брови, обдумывая услышанное.

– Что ж, неплохо, – заключил он. – Вижу, наш друг дон Приамо – настоящий специалист по части обзаведения друзьями.

– У него есть друзья, – возразила женщина. Потом, наподдав ногой пустую жестянку из-под пива, проследила за ней глазами. – Есть и прихожане: добрые люди, которые приходят сюда молиться и которые нуждаются в нем. Так что вы не можете осуждать его за то, что произошло между вами.

Она проговорила это с некоторой горячностью, от которой вдруг показалась Куарту моложе своих лет. Он раздраженно качнул головой.

– Я приехал не затем, чтобы судить его. – Он обернулся, чтобы обозреть обшарпанную звонницу церкви, хотя на самом деле – чтобы не встретиться глазами с американкой. – Это будут делать другие.

– Ну конечно. – Грис Марсала стояла перед ним, засунув руки в карманы джинсов, и то, как она смотрела на него, совершенно не понравилось Куарту. – Вы из тех, кто пишет свой отчет и умывает руки, верно?.. Вы ограничиваетесь тем, что приводите человека к претору. А уж другие говорят: *ibi ad crucem*³¹.

Куарт изобразил удивление, смешанное с иронией:

– Я и не представлял себе, что вы настолько хорошо знакомы с Евангелием.

– Мне кажется, есть слишком много такого, чего вы себе

---

³¹ На крест (*лат.*).

не представляете.

Испытывая неловкость, Куарт переступил с ноги на ногу, потом провел рукой по своим седым, коротко подстриженным волосам. Каменщик, работавший метрах в двадцати возле бетономешалки, прервал свое занятие и смотрел на них, опираясь на лопату. Это был молодой человек, одетый в потрепанную солдатскую форму, густо заляпанную известкой.

– Единственное, что я хочу и собираюсь сделать, – сказал Куарт, – это обеспечить проведение расследования по всем правилам, без каких бы то ни было нарушений и предвзятых выводов.

– Нет. – Ее светлые глаза вонзились в него с симпатией скальпеля. – Дон Приамо поставил правильный диагноз: вы приехали, чтобы обеспечить проведение казни по всем правилам.

– Он так сказал?

– Да. Как только служба архиепископа сообщила о вашем приезде.

Куарт перевел взгляд на то, что находилось за спиной женщины. А находилось там окно с изящной решеткой, уставленное горшками с геранью, и клетка с неподвижно сидящей на жердочке канарейкой.

– Я только хочу помочь, – произнес он нейтральным тоном, и собственный голос вдруг показался ему чужим. В этот момент позади него зазвонил колокол церкви, и канарейка,

радостно встрепенувшись, разразилась трелью.

Работа предстояла трудная.

III

Одиннадцать баров Трианы

*Ты должен рубить, рубить и рубить, рубить
безжалостно, пока не очистятся ряды деревьев и
лес не сможет снова считаться здоровым.*

Жан Ануй. Жаворонок

Бывают собаки, при взгляде на которых можно довольно точно понять, что представляют собой их хозяева, и бывают автомобили, вид которых достаточно ясно отражает личность и характер их владельцев. «Мерседес» Пенчо Гавиры был темный, блестящий, огромный, с трехконечной звездой, угрожающе ошетилившейся на радиаторе и напоминающей прицел носового пулемета. Машина не успела остановиться, как Селестино Перехиль уже стоял на краю тротуара, придерживая открытую дверцу, чтобы шефу было удобнее выйти. Движение напротив «Ла Кампаны» было весьма оживленным, так что смог успел оставить заметный след на воротах розовой – точнее, цвета лосося – рубашке Перехиля, между двубортным пиджаком цвета морской волны и шелковым галстуком, усеянным красными, желтыми и зелеными цветами и горевшим на его груди подобно светофору. Струи выхлопных газов шевелили его редкие прямые волосы, разрушая камуфляжное сооружение, которое он каждое утро

воздвигал со всем терпением, тщанием и немалым количеством лака, начиная с пробора над левым ухом.

– Ты еще больше облысел, – намеренно едко заметил Гавира, на ходу скользнув взглядом по испорченной прическе Перехиля. Он знал, что ничто так не задевает его телохранителя и помощника, как высказывания на эту тему, но считал, что периодическое использование шпор идет на благо скотине в его загонах, не давая ей слишком успокоиться. Кроме того, Гавира был человеком крутым, создавшим самого себя, и такого рода упражнения в христианском милосердии вполне соответствовали его натуре.

Несмотря на интенсивное движение и смог, день обещал быть прекрасным. Гавира окинул быстрым взглядом то, что окружало его; он стоял на тротуаре, очень прямой, оправляя манжеты рубашки так, чтобы они высывались из-под рукавов пиджака – ровно настолько, дабы майское солнце смогло поблестать на золотых (двадцать четыре карата) запонках, отягощавших двойные отвороты из бледно-голубого шелка, – творение лучшего портного Севильи. Он выглядел как манекенщик из журнала мужских мод в ожидании фотографа, особенно когда поправил узел галстука и затем провел ладонью той же руки по виску, приглаживая свои густые, черные, чуть выющиеся за ушами волосы, зачесанные назад и блестящие от бриллиантина. Пенчо Гавира был смугл, строен, честолюбив, элегантен, любил побеждать, имел деньги и находился на пути к гораздо большему. Из этих семи опре-

делений или ситуаций четыремя или пятью он был обязан исключительно собственным усилиям, что составляло предмет его гордости и его надежду. А также давало ему все основания для того уверенного, удовлетворенного взгляда, которым он обвел вокруг себя, прежде чем направиться к углу улицы Сьерпес вместе с Перехилем, который следовал за ним по пятам, с опущенной головой и видом раскаявшегося грешника.

Дон Октавио Мачука восседал за своим всегдашним столиком в кондитерской «Ла Кампана», просматривая бумаги, которые подкладывал ему Кановас, его секретарь. Вот уже несколько лет президент банка «Картухано» по утрам предпочитал своему кабинету в Аренале, отделанному дорогим деревом и украшенному картинами, столик и четыре стула на этой террасе, расположенной там, где билось самое сердце города. Здесь он читал «АБЦ», созерцал текущую мимо жизнь и делал свои дела от часа завтрака до часа аперитива, после чего отправлялся обедать в свой любимый ресторан «Каса Роблес». Теперь он почти никогда не появлялся в банке раньше четырех часов дня, так что у его служащих и клиентов, если дело требовало срочного решения, не оставалось иного выхода, кроме как приходить в «Ла Кампану». Это относилось также и к самому Гавире, который, как вице-президент и генеральный директор банка, был вынужден проделывать этот путь почти каждый день.

Это, несомненно, являлось причиной того, что его побе-

доносный взгляд все более омрачался по мере приближения к столику, за которым над чашкой кофе с молоком и половиной булки «Антекера», намазанной сливочным маслом, сидел человек, которому он, Пенчо Гавира, был обязан своим настоящим и будущим. И уж совсем омрачился взгляд финансиста, уловив среди газет и журналов, выставленных в соседнем киоске, обложку «Ку+С», красующуюся на самом видном месте. Глаза Гавиры лишь на мгновение задержались на ней; потом, затылком ощущая напряженный взгляд Перехиля, он как ни в чем не бывало продолжил свой путь. Но где-то внутри у него возникла и стала разрастаться черная туча; от ярости у него даже свело желудок, закаленный ежедневными часовыми занятиями на тренажерах и сауной. Злополучный журнал уже два дня как лежал на столе его кабинета в Аренале, и Гавире были знакомы до последней мелочи – так, будто он сам делал их, – все и каждый из снимков, занимавших несколько страниц, а также фотография на обложке. В силу обстоятельств она получилась не слишком резкой, однако на ней можно было безошибочно узнать его, Гавиры, жену – Макарену Брунер де Лебриха, наследницу герцогского титула дель Нуэво Экстремо, происходящую из старинного аристократического рода, уступающего в знатности лишь герцогам Альба и Медина-Сидония, – выходящую из отеля «Альфонсо XIII» в четыре часа утра вместе с тореадором Курро Маэстралем.

– Ты опоздал, – заметил старик.

Это была неправда, и Пенчо Гавира знал, что это неправда; ему не нужно было даже смотреть на часы. Поддерживать напряжение мелкими, но постоянными замечаниями – таков был и его стиль, перенятый как раз от дона Октавио Мачуки: он держал подчиненных в состоянии благотворной неопределенности, не давая им почить на лаврах. Перехиль, с его пробором над самым ухом и его более или менее скрытыми пороками, служил Гавире ближайшим подопытным кроликом.

– Не люблю, когда люди опаздывают, – повторил Мачука на сей раз громко, словно информируя об этом факте официанта в полосатом жилете, с латунным подносом в руках, ожидавшего указаний рядом со столиком и на лету ловившего каждое слово и движение дона Октавио. По утрам ему всегда оставляли один и тот же столик, рядом с дверью.

Гавира слегка кивнул, принимая слова шефа с полным спокойствием. Потом велел официанту принести пива, растегнул пуговицу пиджака и сел на плетеный стул, на который президент банка «Картухано» жестом указал ему. Отвесив подобострастный поклон, Перехиль занял место за другим столиком, в сторонке, где уже сидел секретарь Кановас, складывая бумаги в черный кожаный портфель. Худой, похожий на крысу Кановас, отец девятерых детей и безупречный семьянин, служил дону Октавио Мачуке еще в те времена, когда тот занимался контрабандой желтого табака и духов через Гибралтар. Никто не помнил, чтобы Кановас ко-

гда-либо улыбнулся, – может быть, потому, что его чувство юмора было погребено в пантеоне объемистого списка членов его семьи. Как бы то ни было, секретарь не вызывал симпатий у Гавиры, и он тайно вынашивал планы относительно его будущего: немедленное увольнение, как только старик решится освободить свой уже почти необитаемый кабинет в Аренале.

Не произнося ни слова и так же, как его шеф и покровитель, устремив взгляд на улицу, полную людей и машин, Гавира подождал, пока официант принесет пиво. Получив свой заказ, он отпил глоток, наклонившись вперед, стараясь, чтобы пена не капнула на безупречную складку его брюк, затем промокнул губы платком и откинулся на спинку стула.

– Алькальд наш, – наконец сообщил он.

На лице Октавио Мачуки не дрогнул ни один мускул. Он смотрел через дорогу, на бело-зеленый рекламный транспарант Андалусского ломбарда (основан в 1935 году), вытянувшийся вдоль балкона второго этажа дома по соседству с выстроенным в неомавританском стиле зданием банка «Поньенте». Гавира перевел взгляд на костлявые руки старого финансиста с длинными, крючковатыми, словно когти, пальцами и старческими коричневыми пятнами на тыльной стороне. Мачука был очень худ, очень высок, с крупным носом, по сторонам которого пара черных глаз, всегда окруженных большими темными кругами, словно от постоянной бессонницы, смотрела острым, пронизывающим взглядом, по-

хожим на взгляд хищной птицы, привыкшей охотиться где угодно и когда угодно, лишь бы наполнить желудок. Прожитые годы отражались в этих глазах не терпением, не милосердием, одной лишь усталостью. В молодости вор и контрабандист, позже ростовщик в Хересе, ставший севильским банкиром, когда ему не исполнилось еще сорока, основатель банка «Картухано» собирался уйти на заслуженный отдых, и единственным его желанием после этого (или, по крайней мере, единственным, о котором он говорил вслух) было так и продолжать завтракать каждое утро на террасе кондитерской на углу улицы Сьерпес, через дорогу от Андалусского ломбарда и здания конкурирующего банка, который «Картухано» только что прибрал к рукам, предварительно тщательно подготовив его падение.

– Давно пора, – отозвался Мачука.

Его взгляд был по-прежнему устремлен на противоположную сторону улицы, и Гавира не понял, к чему относились эти слова: к банку «Поньенте» или к алькальду.

– Вчера мы ужинали вместе, – прибавил Гавира, чтобы выяснить это, краем глаза держа в поле зрения профиль старика. – А сегодня утром у нас состоялся длинный и весьма сердечный разговор по телефону.

– Ох уж этот твой алькальд... – пробормотал Мачука, как будто пытаясь припомнить смутно знакомое лицо. Любой другой мог бы принять это за признак старческого склероза, но только не Пенчо Гавира, знавший своего президента

слишком хорошо, чтобы делать поспешные выводы.

– Да, – подтвердил он, внутренне насторожившись, чтобы не упустить ни единой мелочи, ни единого жеста или оттенка речи: именно это помогло ему стать тем, кем он был. – Он согласен привести в порядок этот участок и немедленно продать его нам.

В его голосе не было торжествующих ноток, хотя он имел на них полное право. В том мире, в котором жили эти двое, одним из неписанных правил являлась сдержанность.

– Будет много шума, – заметил старый банкир.

– Ему все равно. Через месяц истекает срок его мандата, и он знает, что больше его не переизберут.

– А пресса?

– Прессу можно купить, дон Октавио. – Гавира сделал рукой движение, каким перелистывают страницы газеты. – Или кинуть ей пару костей повкуснее.

По тому, как кивнул в ответ Мачука, он увидел, что старик понял его намек. Кановас как раз только что спрятал в портфель собранное им, Гавирой, досье – настоящую бомбу – о злоупотреблениях при выплате правительством Андалусии пособий по безработице. План состоял в том, чтобы опубликовать эти материалы одновременно, в качестве защитного экрана.

– Городской совет противодействовать не будет, – продолжал он. – Совет по культурному наследию у нас в кармане, так что остается уладить только церковный аспект пробле-

мы. – Он сделал паузу в ожидании комментариев, однако старик не разжал губ. – Что касается архиепископа...

Из осторожности он не закончил фразу, предоставив сделать следующий ход своему собеседнику. Ему нужны были подсказки, сигнальные огни, выражения соучастия.

– Архиепископ хочет получить свое, – наконец заговорил Мачука. – Ты же знаешь: Богу – Богово.

Гавира осторожно кивнул:

– Само собой.

Только тут старый банкир повернул голову и взглянул на него.

– Ну так дай ему что следует, и дело с концом.

Дело было нелегкое, и оба знали об этом. Старая скотина!

– Мне все ясно, дон Октавио, – подвел итог Гавира.

– Тогда не о чем больше и говорить.

Мачука помешал ложечкой в своей чашке кофе с молоком и снова погрузился в созерцание рекламы Андалусского ломбарда. Сидевшие за соседним столиком Кановас и Перехиль, глухие к разговору хозяев, враждебно уставились друг на друга. Гавира заговорил, тщательно выбирая тон и слова:

– При всем моем уважении, дон Октавио, нужно обсудить еще кое-что. У нас в руках самый грандиозный градостроительный куш со времен Всемирной выставки девяносто второго года: три тысячи квадратных метров в самом сердце Севильи, в Санта-Круссе. И в связи с этим – покупка «Пуэрто-Тарга» саудовцами. То есть от ста восьмидесяти до двух-

сот миллионов долларов. Но вы ведь позволите сэкономить по мере возможности... – Он отпил глоток пива, чтобы в воздухе подольше продержался отзвук слова «сэкономить». – Я не хочу платить десять за то, что мы можем получить за пять. А архиепископ слишком зарывается.

– Но ведь придется как-то отблагодарить монсеньора Корво за то, что он умывает руки. – Мачука чуть сузил свои морщинистые веки, что должно было означать улыбку, хотя даже отдаленно не напоминало ее. – Как ты говоришь, предоставить льготы, диктуемые необходимостью. Не каждый же день архиепископы соглашаются отдать такой участок земли, выгнать священника и снести церковь... Тебе не кажется? – Перечисляя, он загибал костлявые пальцы поднятой руки, потом усталым движением уронил ее на стол. – Это называется высший пилотаж.

– Знаю. И это мне стоило немалого труда, если позволите заметить.

– Потому ты и сидишь в своем кресле. А теперь заплати архиепископу компенсацию, на которую он намекнул, и покончи с этой частью дела. В конце концов, деньги, с которыми ты работаешь, мои.

– Но они принадлежат также и другим акционерам, дон Октавио. Помнить об этом – мой долг. Если я чему-то научился от вас, так это именно тому, как выполнять взятые на себя обязательства, не бросая денег на ветер.

Банкир пожал плечами:

– Смотри сам. В конце концов, это твоя операция.

Это действительно была его операция, со всеми вытекающими из данного обстоятельства плюсами и минусами, однако напоминание дона Октавио было далеко не достаточно, чтобы вывести Пенчо Гавиру из себя.

– Все под контролем, – уверенно ответил он.

Голова у старого Мачуки работала, как компьютер.

Гавира, знавший об этом слишком хорошо, увидел, как его хищные глаза скользнули с плаката Андалусского ломбарда на фасад банка «Поньенте». Операции в Санта-Круссе и «Пуэрто-Тарга» были не просто хорошими сделками: в зависимости от их исхода Гавира мог либо сменить Мачуку на посту президента, либо остаться безоружным перед лицом административного совета, представляющего старейшие богатые семейства Севильи, весьма мало расположенные к молодым и честолюбивым адвокатам-чужакам. Гавира ощутил в левом запястье, под золотым браслетом «Ролекса», пять лишних ударов в минуту.

– А что слышно насчет этого священника? – Взгляд старика снова переместился на Гавиру; под личиной безразличия мелькнула еле заметная искорка интереса. – Говорят, архиепископ до сих пор не слишком уверен в том, что он захочет сотрудничать.

– Похоже на то. – Гавира улыбнулся, чтобы рассеять недоверие шефа. – Но мы принимаем меры, чтобы решить эту проблему... – Он взглянул в сторону другого стола, за кото-

рым сидел Перехиль, и неуверенно замолчал, однако вовремя понял, что нужно добавить что-то, привести какой-нибудь аргумент. – В конце концов, это просто упрямый старик.

Это было его упущением и его ошибкой, и Гавира тут же мысленно раскаялся в своих последних словах. С явным удовольствием Мачука ринулся в атаку через брешь, открывшуюся в его обороне.

– Вот уж не похоже на тебя! – Он смотрел ему в глаза, как опытная змея, наслаждающаяся внушенным ею страхом. Гавира насчитал под браслетом «Ролекса» по крайней мере еще десять лишних ударов. – Я тоже старик, Пенчо. Но тебе известно лучше, чем кому бы то ни было: зубы у меня еще вполне крепкие, а уж кусаться я умею... Тебе опасно забывать об этом, верно? – Его веки хищной птицы снова сморщились. – Особенно сейчас, когда ты так близок к цели.

– Я и не забываю. – Трудно сглотнуть слюну так, чтобы собеседник этого не заметил, но Гавире удалось сделать это дважды. – Что касается этого священника, то между ним и вами не может быть никакого сравнения.

Банкир неодобрительно покачал головой:

– По-моему, ты в плохой форме, Пенчо. Ты – и вдруг заделался льстецом.

– Вы не знаете меня, дон Октавио.

– Не говори глупостей. Я отлично знаю тебя, и именно поэтому тебе удалось оказаться там, где ты сейчас находишься.

А также и там, где ты окажешься со дня на день.

– Я всегда искренен с вами. Даже тогда, когда вам это не по вкусу.

– Ошибаешься. Я всегда ценю твою искренность, так же хорошо рассчитанную, как и все остальное. Как и твое честолюбие и твое терпение... – Банкир заглянул в свою чашку, словно в надежде обнаружить там еще какие-либо подробности о характере Гавиры. – А в том, что касается сравнений, возможно, ты и прав: возможно, у меня с этим священником и впрямь нет ничего общего – за исключением прожитых лет. Я не знаю этого, потому что не знаком с ним. Но я дам тебе хороший совет, Пенчо... Ты ведь ценишь мои советы?

– Вы же знаете, что да, дон Октавио.

– Я рад, потому что этот – один из лучших. Никогда не связывайся со стариком, цепляющимся за идею. Человек так редко доживает до старости с идеями, за которые стоит бороться, что те немногие, кому это удалось, готовы лечь за них костью. – Он прервал сам себя, будто вспомнив о чем-то. – Кроме того, похоже, дело-то осложнилось, верно?.. Этот поп из Рима и все такое прочее.

Вздых Гавиры прозвучал вполне искренне. Возможно, он даже и был таковым.

– Вы всегда в курсе всего, дон Октавио.

Мачука обменялся взглядом с секретарем, неподвижно сидевшим за другим столиком напротив Перехиля, с черным

кожаным портфелем на коленях и выражением лица крысы, играющей в покер. Он был слеп и нем до нового приказа. В отличие от него Перехиль нервно ерзал на стуле и искоса бросал беспокойные взгляды на Гавиру. Близость дона Октавио Мачуки, его беседа с шефом и присутствие невозможного Кановаса внушали ему робость и страх.

– Это мой город, Пенчо, – произнес Мачука. – Не знаю, чему ты удивляешься.

Гавира достал пачку сигарет и закурил. Сам президент не курил, и Гавира был единственным, кому дозволялось делать это в его присутствии.

– Успокойтесь, – выдохнул он вместе с первой струей дыма. – Все под контролем. – Вторую он выпустил уже медленнее. – Все ниточки у меня в кулаке.

– А я и не боюсь. – Банкир покачал головой, рассеянно разглядывая проходивших мимо людей. – Повторяю: это твоя операция, Пенчо. Я выхожу на пенсию в октябре; хорошо ли, плохо ли у тебя все выйдет, на мою дальнейшую жизнь это уже никак не повлияет. А на твою – может.

И на этом старик, видимо, решил закрыть тему. Он допил свой кофе с молоком и лишь после этого снова повернулся к Гавире:

– Кстати, что тебе известно о Макарене?

Это был удар ниже пояса. Значительно ниже пояса. И было очевидно, что приберегался он напоследок. Если какая ниточка и не находилась в кулаке у Пенчо, так именно эта.

Гавира взглянул на газетный киоск, и у него снова свело желудок от ярости. Потому что слишком уж нескладно все получилось: он как раз велел Перехилию аккуратно проследить за похождениями своей жены, а тут эти чертовы журналисты из «Ку+С» застукали ее с тореадором и нащелкали целую пачку фотографий. Проклятое невезение, проклятая Севилья!

На протяжении трехсот метров, отделяющих «Каса Куэста» от Трианского моста, располагалось ровно одиннадцать баров. В среднем через каждые двадцать семь метров и двадцать семь сантиметров, мысленно подсчитал дон Ибраим, более своих друзей привычный к книгам и цифрам. Любой из членов троицы мог перечислить эти заведения от моста и обратно, подряд, вразбивку и в алфавитном порядке: «Ла Трианера», «Каса Маноло», «Ла Маринера», «Дульсинья», таверна «Альтосано», «Две сестры», «Ла Синта», «Ла Ибенсе», «Семейный приют», бар «Анхелес». И в самом конце, почти на берегу, «Лас Флорес», рядом с изразцовым изображением Девы Марии, надежду подающей, и бронзовой статуей тореадора Хуана Бельмонте. Троица останавливалась во всех и каждом из баров, чтобы обсудить стратегические вопросы, и вот теперь дон Ибраим, Удалец из Мантелете и Красотка Пуньялес брели по мосту в блаженном состоянии, целомудренно избегая смотреть налево, туда, где злоеще возвышались современные постройки острова Картуха, и

наслаждаясь пейзажем, открывавшимся справа. Там раскинулась Севилья, прекрасная, как мавританская принцесса, с пальмами, выстроившимися вдоль другого берега, с Золотой башней, Арналем и Хиральдой³². А совсем близко – так что можно добросить камнем – смотрелась в Гвадалквивир площадь Маэстранса со своей ареной для боя быков: вселенский собор, куда люди приходили помолиться храбрецам, о которых пела Красотка Пуньялес.

Троица шагала по тротуару моста, вдоль железных перил, плечом к плечу, как в старых американских фильмах: посередине Красотка, справа и слева от нее дон Ибраим и Удалец, эскортирующие ее, как верные рыцари. Утро отражалось в реке голубыми, золотистыми и белыми бликами, и в этом блеске, в качающемся мареве паров «Ла Ины», обильно напитавшей плоть, кровь и душу соратников, звучали перебивы андалусской гитары, слышные им одним. Воображаемая, а может быть, и реальная музыка, придававшая их коротким, чуть торопливым шагам по мере удаления от знакомой до последнего уголка Трианы, чтобы перейти на другой берег Гвадалквивира, твердость и решимость прогулки, совершаемой в пять часов вечера, на границе солнца и тени. Дон Ибраим, Удалец и Красотка шли открывать боевые действия, углублялись во вражескую территорию, покидая безопасность своих привычных пастбищ. Ввиду всех этих об-

---

³² *Хиральда* – одна из главных достопримечательностей Севильи: 97-метровая колокольня собора, построенная арабами в конце XII в.

стоятельств было только логично, что в одном из баров – насколько им помнилось, в «Семейном приюте» – экс-лжеадвокат приподнял свою широкополую панаму (которую ему однажды пришлось снять, чтобы вклеить пощечину Хонхе Негрете, задавшему ехидный вопрос относительно наличия в Испании настоящих мужчин) и торжественно процитировал какого-то Вергилия. А может быть, Горация. В общем, кого-то из классиков:

Тогда, словно хищные волки во мраке ночном,
Мы путь пролагать себе начали к самому сердцу
Испалиса³³, пламенным жаром объятого...

Или что-то вроде этого. Солнце отражалось бликами в спокойных водах реки. Под мостом девушка с длинными черными волосами гребла на узкой лодочке или пироге, и прямой как стрела след наискось пересекал эту искрящуюся гладь от берега до берега. Проходя мимо образа Девы Марии, надежду подающей, Красотка Пуньялес осенила себя крестом под агностическим, но исполненным уважения взглядом дона Ибраима, который ради такого случая даже вынул сигару изо рта. Что касается Удальца из Мантелете, он тоже перекрестился – склонив голову, торопливо, украдкой, как при звуке горна перед началом корриды на какой-нибудь пыльной арене, воздух над которой наполнен жужжани-

---

³³ *Испалис* – древнеримское название нынешней Севильи.

ем мух, запахом крови и страхом, или на ринге при ударе гонга, заставляющем его отлепиться от угла и выйти на середину, ощущая, как наготу, свою беззащитность и наступая на капли собственной крови. Однако Удалец отдавал дань почитения не образу Девы Марии; его жест был адресован бронзовому профилю, плащу и монтере³⁴ Хуана Бельмонте.

– Тебе надо было получше присматривать за женой.

Старый Мачука как бы в подтверждение своих слов покивал, по-прежнему не отрывая взгляда от людей, проходивших перед террасой «Ла Кампаны». Вынув из кармана белый батистовый носовой платок со своими инициалами, вышитыми синим шелком, он рассеянно потирал им кончик носа. Пенчо Гавире бросились в глаза его руки, усеянные старческими пятнами и так похожие на когтистые лапы хищной птицы. Да и весь облик его напоминал хищную птицу. Старого, злобного орла, неподвижно наблюдающего за своими жертвами.

– С женщинами всегда сложно, дон Октавио. А уж особенно с вашей крестницей.

Банкир принялся аккуратно складывать платок, видимо обдумывая слова собеседника, потом медленно кивнул.

– Макарена, – произнес он, как будто это имя объясняло все.

И на этот раз Гавира кивнул в знак согласия.

---

³⁴ *Монтера* – традиционная шапочка тореадора.

Дружба между Октавио Мачукой и семейством герцогов дель Нуэво Экстремо завязалась добрых четыре десятка лет назад. Банк «Картухано» едва не понес убытки, финансируя несколько неудачных сделок покойного Рафаэля Гуардиола-Фернандес-Гарвея, герцога-консорта и отца Макарены; они уничтожили то немногое, что оставалось от фамильного состояния. Позже, когда за смертью герцога (острый сердечный приступ в четыре часа утра, в самый разгар попойки с цыганами, причем сиятельный покойник оказался почти голым) последовало окончательное разорение, старик Мачука лично занялся расчетом с кредиторами и продажей еще чудом не заложенных остатков собственности. Собрав таким образом некоторую сумму наличными, он положил ее в банк под самый высокий процент. Так ему удалось сохранить для вдовы и дочери герцога их жилище – «Каса дель Постиго» и ежегодную ренту, которая, хотя и без излишней роскоши, позволила вдовствующей герцогине, Крус Брунер, стареть в обрамлении, достойном ее фамилии. В так называемом приличном обществе Севильи все знали друг друга, так что некоторые утверждали, что упомянутой ежегодной ренты не существует и что эти деньги происходят прямоком из личных фондов Октавио Мачуки. Вдобавок имелось подозрение, что таким путем банкир воздает должное отношениям, гораздо более близким, чем просто дружеские, зародившимся еще при жизни покойного герцога. И даже, что касается Макарены, некоторые высказывались в том плане, что,

мол, бывают крестницы, которых любят больше, чем родных дочерей; однако никто никогда не доказал этого и никто никогда не осмелился задать соответствующий вопрос самому старику. Верный же Кановас, в руках которого находились бумаги, секреты и частные счета банкира, бывал на эту тему – как и на многие другие – не более многословен, чем порция тушеного языка со сложным гарниром.

– Этот тореадор... – заговорил через некоторое время Маучука. – Как его – Маэстраль, что ли?

Гавира ощутил горечь во рту. Он уронил сигарету, взял свой стакан с пивом и сделал большой глоток, но положение дел не улучшилось. Он снова поставил стакан на стол и застыл, глядя на каплю пива, упавшую таки на складку его брюк. Ему безумно хотелось громко, со вкусом выругаться.

Старик все так же разглядывал проходящих мимо людей, как будто надеясь высмотреть среди них знакомое лицо. Он держал над купелью маленькую Макарену Брунер во время ее крещения в соборе; он, в том же самом соборе, под руку вел ее, ослепительно красивую в своем белом атласном платье, к алтарю, где ее ждал Пенчо Гавира. Севильские злые языки называли этот брак делом рук самого старого банкира, поскольку он, с одной стороны, обеспечивал богатство и блестящее будущее его крестнице, а с другой – поддержку местного общества его протеже, в то время молодому, честолюбивому адвокату, стремительно поднимавшемуся по иерархической лестнице банка «Картухано».

– Придется что-то делать, – задумчиво прибавил Мачука.

Несмотря на стыд и унижение, испытываемые Гавирой в этот момент, он расхохотался:

– Не хотите же вы, чтобы я пошел к этому тореро и вlepил ему пулю в лоб!

– Конечно нет... – Банкир полуобернулся к нему, и его хитрые глаза блеснули слишком уж живым любопытством. – А ты что, способен вlepить пулю в лоб любовнику своей жены?

– Фактически она моя бывшая жена, дон Октавио.

– Ну да. Это она так говорит.

Щелчком сбив капельки пива с брюк, Гавира поправил складку. Разумеется, он был способен сделать то, о чем говорил Мачука, и оба знали это. Но он не собирался убивать тореадора.

– Это ничего не изменило бы, – сказал он.

Это ничего не изменило бы. С тех пор как Макарена вернулась в «Каса дель Постиго» и до момента появления тореадора еще, так сказать, имели место крупный финансист из конкурирующего банка и известный винопромышленник из Хереса. Если воспользоваться методом, предложенным доном Октавио, потребовалось бы чересчур много пуль. А ведь Севилья – далеко не Палермо. Кроме того, и сам Гавира вот уже несколько недель находил себе утешение в обществе знаменитой севильской фотомодели, специализировавшейся на рекламе изящного белья. Так что старый Мачука

дважды неторопливо кивнул в знак согласия. Ведь есть же и другие методы.

– Я знаком с парой директоров наших филиалов, – спокойно и зловеще улыбнулся Гавира, – а вы – кое с кем из владельцев арен... Возможно, следующий сезон окажется трудноватым для этого Маэстраля.

Веки старого грифа снова сморщились. На сей раз это выглядело почти как настоящая улыбка.

– Какая жалость, – вздохнул старик. – Ведь он, кажется, неплохой тореро.

– Он к тому же еще и красавчик, – возразил Гавира. – Так что у него всегда остается возможность пойти сниматься в телесериалах.

Потом его взгляд снова упал на газетный киоск, и черная туча, которую он ощущал внутри, казалось, заволокла картину прекрасного майского утра. Потому что проблема заключалась не в Курро Маэстрале. Существовало нечто более важное, чем обложка «Ку+С», на которой он сопровождал Макарену Брунер в рассветный час при выходе из отеля «Альфонсо XIII». И речь шла не об ущербе, нанесенном матримониальной чести Гавиры, а о том, удастся ли ему самому удержаться в «Картухано» и сменить старого Мачуку на посту президента совета. В маневре с недвижимостью, касающемся церкви Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, было схвачено все, кроме одного: существовала некая старинная фамильная привилегия, документально оформлен-

ная в 1687 году, и в этом документе оговаривался ряд условий, невыполнение которых повлекло бы за собой возвращение семейству Брунер земли, отданной под храм. Однако согласно более позднему закону, принятому в XVIII веке при министре Мендисабале, в случае отчуждения этой земли от церкви она должна была отойти муниципалитету Севильи. С юридической точки зрения дело было сложное, так что, обратись герцогиня и ее дочь в суд, все застопорилось бы, и надолго. А между тем уже было проделано столько подготовительной работы, вложено столько денег и взято на себя столько обязательств, что провал вынудил бы Октавио Мачуку отдать своего протеже на растерзание административному совету (где у Гавиры имелись серьезные и могущественные противники) как раз в тот момент, когда молодому вице-президенту банка «Картухано» оставался всего один шаг до обретения абсолютной власти. Это означало положить его голову на плаху. Но, как было известно журналу «Ку+С», половине Андалусии и всей Севилье, в последнее время голова Пенчо Гавиры не представляла особой ценности для Макарены Брунер.

Выйдя из отеля «Донья Мария», Лоренсо Куарт, вместо того чтобы пройти тридцать метров, отделявших его от дверей Архиепископского дворца, вышел на середину площади Вирхенделос-Рейес и остановился, оглядывая то, что его окружало. Это был перекресток трех религий: за спиной у

него находился старый еврейский квартал, с одной стороны – белые стены монастыря Воплощения Господня, с другой – Архиепископский дворец, а в глубине, возле стены старинной арабской мечети, – минарет, превращенный в колокольню христианского собора: Хиральда. Тут были конные экипажи, продавцы открыток, цыганки с бубнами, кланчащие милостыню «на молочко для ребенка», и туристы, ждущие своей очереди посетить башню и с изумлением глядящие вверх, на венчающую ее фигуру, плывущую в синеве неба. Молоденькая иностранка – судя по выговору, американка – отделилась от своей группы, чтобы задать Кwartу банальный вопрос относительно какого-то адреса в окрестностях площади: удобный предлог, чтобы поближе рассмотреть его спокойное загорелое лицо, так контрастировавшее с коротко подстриженными, с густой проседью волосами и стоячим черно-белым воротничком священнослужителя. Кwart вежливо, не слишком обстоятельно ответил на вопрос, и девушка вернулась к искоса наблюдавшим за ней подругам под целый хор сдержанных смешков и перешептываний. До его слуха донеслись слова: «He's gorgeous», то есть «он просто красавчик». Что, несомненно, крайне развеселило бы монсьюра Спаду. Воспоминание о директоре ИВД и о технических советах, данных им в Риме, на площади Испании, во время их последней беседы, вызвало улыбку на лице Кwartа. Так, с улыбкой, он и принялся оглядывать Хиральду от самого основания до фигуры с флажком-флюгером, давшей на-

звание всей башне. Пожалуй, он не совсем обычно выглядел в качестве туриста: серо-голубые глаза подняты к небу, руки в карманах черного костюма, шитого на заказ превосходным римским портным, почти таким же престижным, как Кавалледжери и сыновья. Только в таких местах, как это, можно ощутить Испанию, юг, старинную культуру средиземноморской Европы. В Севилье истории разных народов накладываются одна на другую, и связи между ними невозможно объяснить, если обойти вниманием хотя бы одну из них. Нанизанные на одну нить, подобно четкам, время, кровь, моления на различных языках, звучавшие некогда под этим синим небом, под этим мудрым солнцем, за века уравнившими все. Дошедшие из прошлого камни, чей голос можно услышать до сих пор. Нужно только на мгновение забыть о видеокамерах, открытках, автокарах, заполненных туристами и нахальными девушками, и приблизить ухо к этим камням.

До назначенной встречи в Архиепископском дворце осталось еще полчаса, так что Куарт поднялся по улице Матеос Гаго, чтобы выпить кофе в пивной «Хиральда». Ему хотелось, как в прошлый свой приезд в Севилью, усестись неподалеку от стойки, чтобы иметь возможность спокойно рассматривать белые и черные квадраты пола, изразцы и старинные гравюры с изображением города, украшавшие стены. Он вынул из кармана «Похвальное слово новому воинству рыцарей храма» Бернарда Клервоского и раскрыл его наугад. Древний томик этот, форматом в одну восьмую ли-

ста, он читал ежедневно; это было для него чем-то вроде обряда, такого же привычного, как чтение молитвенника, и выполнявшегося с той же неукоснительностью, порожденной не столько благочестием, сколько гордыней. Зачастую это происходило в каком-нибудь отеле, кафе или аэропорту, в ожидании деловой встречи или перерывах между ними, а такие встречи и командировки были в жизни Куарта явлением постоянным. И он открывал эту средневековую книгу, в течение двух столетий служившую духовным наставлением воинствующим монахам, сражавшимся в Святой земле, открывал, чтобы уйти от одиночества, с которым была сопряжена его работа. Иногда, поддаваясь настроению, навеваемому чтением «Слова», он представлял самого себя последним из переживших разгром при Гаттине, проклятую Акрскую башню, застенки Шинона и костры Парижа: одиноким, усталым тамплиером, все друзья которого уже так или иначе покинули этот мир³⁵.

Он прочел строки, давно знакомые наизусть: «Главы их острижены, покрыты пылью, лики черны от палящего солнца, как те кольчуги, что защищают их тела...», затем поднял лицо, чтобы взглянуть на льющийся с улицы свет, на людей, неторопливо проходящих под зеленью апельсиновых дере-

---

³⁵ Рыцари ордена храма участвовали в Крестовых походах, особенно отличившись в Палестине. Желая завладеть огромными богатствами, накопленными орденом, французский король Филипп IV Красивый захватил в плен его Великого магистра и всех храмовников, находившихся во Франции, и устроил суд, приговоривший их к сожжению на костре.

вьев. Молодая женщина, по виду иностранка, на минутку задержалась, чтобы подобрать волосы, смотрясь, как в зеркало, в бликующее стекло полуоткрытого окна. Грациозным движением подняв свои обнаженные руки к затылку, она стояла, стройная, красивая, сосредоточенно вглядываясь в собственное отражение, пока ее глаза не встретились через стекло с глазами Куарта. Мгновение она смотрела на него с удивлением и любопытством, потом отвела глаза, но естественность позы и движений уже исчезла. В это время к ней подошел молодой человек с фотоаппаратом на шее и планом города в руке и, обняв за талию, увлек ее за собой.

Может быть, тому, что испытал Кuart, наблюдая за этой маленькой сценкой, в большей мере, чем «зависть», соответствовало определение «грусть». Нет термина, способного точно назвать ощущение тоскливой пустоты, знакомое каждому служителю Церкви, оказавшемуся свидетелем проявлений теплоты и близости между мужчиной и женщиной – между всеми теми, для кого не является запретным этот древний ритуал, эти прикосновения рук, ласкающих волосы и плечи, обнимающих талию, скользящих по бедрам. А для Куарта, которому в принципе не составило бы особого труда сократить дистанцию между собой и большинством красивых женщин, встречающихся на его пути, это ощущение еще более усугублялось сознанием того, что он не может нарушить наложенное им на себя тяжкое послушание, суровую самодисциплину. Он чувствовал то же самое, что чувствует

человек с ампутированной ногой или рукой, уверяющий, что у него болит или затекла эта давно уже отсутствующая часть тела.

Он взглянул на часы, спрятал в карман книгу и встал. При выходе он чуть было не столкнулся с очень полным, одетым в белое мужчиной, который учтиво извинился, приподняв соломенную шляпу-панаму. Толстяк посмотрел вслед Куарту, когда тот неторопливо направился через площадь к красновато-коричневому зданию в стиле барокко, стоящему справа за рядом апельсиновых деревьев. Привратник направился было к вновь прибывшему, но при виде стоячего воротничка немедленно отступил, пропуская его в двери между сдвоенными колоннами, поддерживающими главный балкон, украшенный вырезанной в камне геральдической эмблемой севильских архиепископов. Куарт прошел во внутренний двор, пересеченный длинной тенью Хиральды, и поднялся по богато украшенной лестнице под своды, расписанные Хуаном де Эспиналем, с которых ангелы и херувимы, измаявшиеся от многовековой неподвижности, со скучающим видом разглядывали посетителей. Наверху имелось множество коридоров с кабинетами; священнослужители всех мастей озабоченно сновали туда-сюда с уверенностью людей, знающих тут все ходы и выходы. Одетые в обычные костюмы, темные или серые рубашки со стоячим воротничком, некоторые даже с галстуками, они больше походили на чиновников. Куарт так и не увидел ни одной сутаны.

Навстречу ему вышел новый секретарь монсеньора Корво, лысый, очень аккуратный, с мягким голосом и манерами, в сером костюме и серой же рубашке со стоячим воротником. Он заменял отца Урбису – того самого, на которого свалился каменный карниз в церкви Пресвятой Богородицы, слезами орошенной. Не говоря ни слова, секретарь повел Куарта через большой зал, на потолке которого, разделенном на шестьдесят кассет, были изображены эмблемы и библейские сцены, долженствующие, по-видимому, вдохновлять севильских прелатов на добродетельное управление своей епархией. Имелось там также десятка два фресок и полотен, среди них четыре Сурбарана, один Мурильо и один Матиа Прети: «Усекновение главы Иоанна Крестителя». Следуя за секретарем, Куарт задал себе вопрос: почему в приемных архиепископов и кардиналов так часты картины, изображающие чью-нибудь голову на подносе? Он еще раздумывал об этом, когда вдруг увидел дона Приамо Ферро. Священник храма Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, стоял в другом конце зала, упрямый и темный, как его старая сутана. Он разговаривал с другим священником, очень молодым, светловолосым, в очках, в котором Куарт узнал каменщика, наблюдавшего за ним возле церкви во время встречи с отцом Ферро и Грис Марсала. Оба священника, прервав беседу, посмотрели на него: старик – бесстрастно, молодой – с мрачным вызовом в глазах. Куарт приветствовал их легким наклоном головы, на который ни тот ни другой не ответили.

Было очевидно, что ждут они уже давно и никто не позаботился предложить им хотя бы один стул.

Его преосвященство дон Акилино Корво, глава севильской епархии, обычно принимал позу «Кабальеро, положившего руку на грудь» – картины, висящей в одном из залов музея Прадо. Он клал на свой черный костюм белую холеную руку, на которой поблескивал знак его сана: перстень с большим желтым камнем. Лысоватые виски, длинное угловатое лицо и сверкание золотого наперсного креста дополняли сходство с указанным персонажем, которое архиепископ любил подчеркивать. Акилино Корво был прелатом самых чистых кровей, продуктом тщательнейшей церковной селекции. Ловкий, умеющий маневрировать, привыкший плавать в любую непогоду, он не случайно оказался во главе севильской епархии. Он имел важные связи в мадридской нунциатуре, располагал поддержкой инквизиции и находился в прекрасных отношениях как с правительством Андалусии, так и с оппозицией. Что не мешало ему заниматься делами, никак не связанными с его служением Церкви, вплоть до чисто личных. Например, он был большим любителем корриды и занимал ложу на арене Маэстранса всякий раз, когда должны были выступать Курро Ромеро или Эспартако. Кроме того, он являлся членом обоих местных футбольных клубов, «Бетиса» и «Севильи», из соображений как пасторского нейтралитета, так и священнической осторожности, ибо его одиннадцатой заповедью являлось: «Не клади все яйца

в одну корзину». А еще он всей душой ненавидел Лоренсо Куарта.

Как и следовало ожидать, судя по приему, оказанному секретарем, первая часть встречи прошла холодно, но корректно. Кwart вручил бумаги, подтверждающие его полномочия (письмо кардинала – Государственного секретаря и еще одно, от монсеньора Спады), обрисовал архиепископу в общих чертах суть своей миссии – что, впрочем, было совершенно излишне, поскольку тот и так уже хорошо знал обо всем, – а высокий собеседник обещал ему свою полную и безусловную поддержку и попросил держать его в курсе событий. На самом деле Кwartу было отлично известно, что архиепископ сделает все, чтобы провалить его миссию, а монсеньор Корво, ни капли не надеявшийся, что Кwart станет информировать его о чем бы то ни было, был готов на многое, лишь бы только посланцу Рима где-нибудь подвернулась под ногу банановая кожура. Однако оба они были профессионалами и знали, какие правила следует соблюдать, по крайней мере внешне. Ни один из них не упоминал о причине, по которой они смотрели друг на друга через стол, как двое фехтовальщиков, чья кажущаяся беспечность немедленно исчезает, как только один обнаружит в обороне другого брешь, куда можно направить свою рапиру. Над обоими витала тень их последней встречи в этом же кабинете, имевшей место пару лет назад, когда его преосвященство только стал архиепископом. Кwart вручил ему тогда ко-

пию объемного доклада о недостатках работы службы безопасности во время недавнего визита в Севилью его святейшества папы. Некий священник, отстраненный от выполнения своих обязанностей за неоднократные прегрешения и к тому же женатый, приблизившись к понтифику якобы с целью вручить ему меморандум собственного сочинения, касающийся безбрачия, пытался нанести ему удар ножом, лишь по счастливой случайности не достигший цели. Кроме того, в женском монастыре, где должен был ночевать его святейшество, в одной из корзин с бельем, изящно вышитым сестрами специально для этого случая, было обнаружено взрывное устройство. А в записных книжках всех исламских террористов Средиземноморья имелась программа визита папы, расписанная во всех подробностях и чуть ли не по минутам: результат постоянных утечек информации из архиепископства в прессу. В такой ситуации Институту внешних дел в лице Куарта пришлось срочно вмешаться и перетасовать весь изначальный план обеспечения безопасности, составленный монсеньором Корво; что он, Куарт, и сделал, к вящему недовольству курии и полному отчаянию нунция³⁶. Нунций, естественно, довел эту историю до ушей его святейшества папы, причем в таких красках, что она едва не стоила монсеньору Корво его архиепископства и апоплексического удара. С течением времени, после того как сей инцидент был исчерпан, дон Акилино укрепился в своей репутации

---

³⁶ *Нунций* – представитель папы римского в той или иной стране.

ции отличного прелата; однако воспоминания о случившемся, о пережитом унижении и о причастности к последнему Лоренсо Куарта грызли его сердце и его христианское смирение, заставляя испытывать отнюдь не пастырские чувства. В чем его преосвященство и признался утром того самого дня, о котором идет речь, своему исповеднику, старенькому священнику из собора, с которым общался в первую пятницу каждого месяца.

– Эта церковь уже приговорена, – сказал архиепископ своим звучным, с четкой дикцией голосом, как будто нарочно созданным для воскресных проповедей. – Теперь это только вопрос времени.

Он говорил с твердостью, приличествующей его сану, может быть чуть категоричнее необходимого, поскольку обращался к Куарту. Даже если прелат ничего не значит в Риме, находясь в его владениях и тем более в его собственном кабинете, с ним приходится считаться. Монсеньор Корво прекрасно сознавал это и любил подчеркивать автономный характер своей местной власти. Он даже хвастал тем, что знает Рим только по ватиканскому Ежегодному справочнику и никогда в жизни не пользовался телефонной книгой Ватикана.

– Храм Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, – продолжал архиепископ, – находится в аварийном состоянии. Чтобы получить это официальное заключение, нам пришлось преодолеть немало административных и технических препон... Проблемы административного характера будут ре-

шены со дня на день, потому что Совет по культурному наследию отказался от попыток сохранить это здание в связи с нехваткой бюджетных средств, а мэрия готова поддержать его. И если это дело еще не закрыто окончательно, то лишь из-за происшествия, в результате которого погиб муниципальный архитектор. Неудачное стечение обстоятельств.

Монсеньор Корво сделал паузу, чтобы окинуть взглядом свою коллекцию из дюжины английских курительных трубок, выстроившихся перед ним на специальной подставке черешневого дерева. За его спиной угадывались сквозь жалюзи очертания башни Хиральды и контрфорсов собора. На зеленой поверхности обтянутого кожей письменного стола прямо-таки горел прямоугольник солнечного света, и прелат будто бы случайным движением положил туда руку с перстнем, отчего желтый камень ярко засиял, а по губам Куарта скользнула легкая усмешка.

– Ваше преосвященство упомянули также о проблемах технического характера, – напомнил он.

Он сидел на неудобном стуле сбоку от стола архиепископа в обширном кабинете, вдоль всех стен которого, до самого потолка, тянулись полки, уставленные сочинениями Отцов Церкви и папскими энцикликами; все книги были в одинаковых кожаных переплетах, с вытисненным на корешке архиепископским гербом. В другом конце комнаты, под висящим на стене распятием из слоновой кости, находился

*reclinatorio*³⁷, а также небольшой диван, два кресла и низкий столик – место, где сеньор Корво оказывал куда более сердечный прием людям, пользующимся его симпатией. Очевидно было, что эмиссар Института внешних дел не принадлежит к их числу.

– Секуляризация³⁸ здания – необходимая процедура, предшествующая его сносу, значительно осложняется некоторыми обстоятельствами. – Подчеркнуто весомый, многозначительный тон архиепископа все же не мог скрыть, что тот опасается Куарта и в его присутствии чувствует себя неуютно. Монсеньор Корво выбирал слова крайне тщательно, чтобы не допустить и малейшей возможности их двойственного истолкования. – Существует некая старинная привилегия, предоставленная в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году моим славным предшественником, тогдашним архиепископом Севильским, с санкции его святейшества папы, и она определяет все четко и ясно: до тех пор, пока в данной церкви каждый четверг будет служитья месса за упокой души ее благодетеля, Гаспара Брунера де Лебрихи, она сохранит свои права на эту землю.

– Почему именно каждый четверг?

– По-видимому, он скончался в этот день. Семейство Бру-

---

³⁷ Предмет католического обихода: попитр для молитвенника и соединенная с ним наклонная скамеечка для коленапреклонения во время молитвы.

³⁸ *Секуляризация* – перевод в мирское состояние, то есть выход чего-либо из собственности Церкви и переход его в собственность светских властей.

нер было весьма могущественным, так что, полагаю, этот дон Гаспар крепко держал за горло моего славного предшественника.

– И отец Ферро, разумеется, служит мессу каждый четверг...

– Каждый день, – в голосе архиепископа прозвучала искренняя досада, – в восемь утра. За исключением воскресений и праздничных дней. Тогда он служит две.

Кварт с невинным видом чуть подался в сторону стола.

– Но ведь ваше преосвященство обладает достаточной властью, чтобы призвать его к порядку.

Архиепископ метнул на него свирепый взгляд. Его рука с перстнем нервно сжималась и разжималась, портя впечатление от игры солнечных лучей на желтом камне.

– Не смешите меня. – Ни выражение его лица, ни кислый голос не имели ничего общего со смехом. – Вы же понимаете, дело тут не во власти. Как может архиепископ запретить приходскому священнику служить мессу?.. Это проблема дисциплины. Отец Ферро – человек в возрасте, крайне консервативный даже во многих аспектах отправления церковной службы, однако у него есть собственная позиция, от которой он не отступает ни на шаг. Короче говоря, он пропускает мимо ушей все мои увещания и призывы к порядку.

– Ваше преосвященство не обдумывали возможность лишения отца Ферро его прихода?

– Обдумывал, обдумывал... – Монсеньор Корво раздра-

женно уставился на Куарта. – Все не так просто. Я обратился в Рим с соответствующей просьбой, но такие дела делаются медленно. А кроме того, боюсь, после этой истории с пиратским компьютерным посланием Ватикан прислал вас сюда в качестве охотника за скальпами.

Кварт никак не отреагировал на иронию архиепископа. «Ты сам не желаешь пачкаться, – подумал он, – поэтому норовишь перебросить это дело нам. Пусть палачами будут другие, а твои руки останутся чистыми».

– И что же теперь, монсеньор?

– Да ничего. Все повисло в воздухе. Банк «Картухано» уже подготовил операцию, связанную с использованием этого участка земли. Операцию, которая для моей епархии... – Монсеньор Корво, похоже, засомневался в правомерности употребления в таком контексте притяжательного местоимения и после секундного размышления мягко поправился: – Для этой епархии будет весьма выгодно. Хотя мы имеем на эту землю лишь моральное право, приобретенное за три века служения на ней Господу нашему, «Картухано» обещает нам щедрую компенсацию, которая придется как нельзя кстати именно сейчас, в это трудное время, когда во всех епархиях кружки для пожертвований заросли паутиной. – Архиепископ позволил себе по поводу собственной шутки легкую улыбку, на которую Кварт счел более разумным не отвечать. – Кроме того, банк обещает финансировать церковь в одном из наиболее бедных кварталов Севильи и со-

здать фонд поддержки нашей общественной работы среди цыган... Что скажете?

– Это убеждает, – без эмоций отозвался Куарт.

– Вот видите. И все дело застопорилось из-за упрямства приходского священника, которому не сегодня завтра пора на пенсию.

– Но он пользуется большой любовью в своем приходе. По крайней мере, так говорят.

Монсеньор Корво снова ввел в игру руку с перстнем, на сей раз подняв ее жестом несогласия, прежде чем уложить на привычное место рядом с золотым наперсным крестом.

– Ну, не будем преувеличивать. Окрестные жители здороваются с ним, десятка два старух ходят к мессе. Но это ничего не значит. Люди кричат: «Благословен, кто пришел от имени Господа!» – но вскоре им становится скучно, и они распинают того, кого только что приветствовали. – Архиепископ перебрал взглядом выстроившиеся перед ним на столе трубки; наконец решившись, выбрал одну – изогнутую, с серебряным кольцом. – Я пытался как-то изменить положение. Даже думал о том, не следует ли дискредитировать его в глазах прихожан... разумеется, предварительно тщательно взвесив все могущие проистечь из этого плюсы и минусы. Однако я опасаясь зайти слишком далеко: не принесет ли подобное лекарство еще больше вреда, чем сама болезнь? В конце концов, у нас есть долг перед этими людьми, а отец Ферро – человек хоть и упрямый, но искренний. – Он посту-

чал чашечкой трубки о ладонь. – Может быть, вы... У вас ведь гораздо больше опыта в том, как привести человека от Каифы к Пилату.

Это евангелическое оскорбление было сформулировано столь безупречно, что Куарт не нашелся что возразить. Его преосвященство, открыв ящик стола, извлек на свет божий жестяную коробку с английским табаком и занялся набиванием трубки, предоставив продолжать разговор собеседнику. Куарт чуть наклонил голову; только глядя ему прямо в глаза, можно было заметить его усмешку. Но архиепископ не смотрел на него.

– Разумеется, монсеньор. Институт внешних дел предпримет все возможное, чтобы покончить с этим беспорядком. – Он с удовлетворением отметил, какое кислое выражение приобрело лицо архиепископа. – Хотя, может быть, слово «беспорядок» не совсем подходит в данном случае...

Монсеньор Корво чуть не взорвался, но вовремя овладел собой: это он умел мастерски. Секунд пять он молчал, заталкивая табак в чашечку трубки, а когда заговорил, в его голосе прозвучали саркастические нотки.

– Вы, похоже, из тех, кому тесно в сандалиях Рыбака³⁹, верно?... Вся эта ваша римская мафия, все эти игры в полицейских Господа нашего.

Куарт выдержал взгляд архиепископа безупречно спокойно.

---

³⁹ Имеется в виду святой Петр.

– Вы очень суровы, ваше преосвященство.

– Да бросьте вы все эти «преосвященства» и прочую чушь.

Я знаю, зачем вы прибыли в Севилью, и знаю, чем рискует в этой игре ваш шеф, архиепископ Спада.

– Мы все многим рискуем, монсеньор.

Это было верно, и прелат правильно понял намек. Кардинал Ивашкевич был опасен, но Паоло Спада и сам Куарт также представляли опасность. Что же касается отца Ферро, то он являлся бомбой замедленного действия, которую кто-то должен был обезвредить. Спокойствие Церкви нередко зависит от внешних форм, а в случае с церковью Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, соблюдение формы находилось под серьезной угрозой.

– Послушайте, Куарт. – Архиепископ хотя и с видимой неохотой, но все же смягчил тон. – Я вовсе не желаю осложнять себе жизнь, а это дело что-то слишком уж запуталось. Сознаюсь вам: меня пугает даже само слово «скандал», и мне не хочется выглядеть в глазах общественности прелатом, шантажирующим бедного приходского священника, чтобы самому нажиться на продаже участка... Вы меня понимаете?

Куарт его понимал и легким кивком дал понять, что согласен на предлагаемое перемирие.

– Кроме того, – продолжал архиепископ, – у «Картухано» может все выйти не так, как хочется, из-за супруги – или бывшей супруги, я не знаю точно, – того, кто проводит эту операцию: Пенчо Гавиры. Он весьма влиятельный человек,

уверенно идет вверх. У него с Макареной Брунер серьезные личные проблемы. А она открыто взяла сторону отца Ферро.

– Она религиозна?

Архиепископ сухо рассмеялся сквозь зубы.

– Макарена Брунер – случай особый, – пояснил он, – и одним словом, тем более этим, ее не определишь. В последнее время от ее выходов лихорадит все севильское порядочное общество, которое, в общем-то, не так уж просто шокировать. Может быть, вам было бы полезно переговорить с ней, – закончил монсеньор Корво. – И с ее матерью, старой герцогиней. Пока выйдет решение о сносе церкви и удалении из нее священника, мы сумеем померить его пыл, если они откажут ему в своей поддержке.

Кuart, вынув из кармана несколько визитных карточек, делал необходимые заметки. Он всегда использовал для записей оборотную сторону визиток, своих или чужих. От глаз архиепископа не укрылся дорогой «Монблан» в руках гостя, и он критическим взглядом следил за тем, как пишет Кuart, возможно полагая, что священнослужителю не подобает иметь таких ручек.

– С каких пор приостановилось дело о сносе церкви? – поинтересовался Кuart.

Неодобрительный взгляд монсеньора Корво, устремленный на ручку, выразил беспокойство.

– С тех пор как имели место эти две смерти.

– Таинственные смерти, как говорят.

Архиепископ, который уже сунул трубку в рот и как раз подносил к ней зажженную спичку, поморщился.

– Ничего таинственного, – отозвался он. – Обыкновенные несчастные случаи. Некий Пеньюэлас, муниципальный архитектор, был направлен мэрией, чтобы составить заключение о сносе церкви. Он был человеком не слишком симпатичным и пару раз крупно сцепился с отцом Ферро, вовсе не являющимся образцом христианского смирения. В один из приходов Пеньюэласа в храм под его рукой обломилась деревянная перила лесов, и он свалился с крыши, да так неудачно, что, как цыпленок на вертел, напоролся на одну из полусмонтированных металлических труб.

– Он находился там один? – уточнил Куарт.

Понимая тайный смысл вопроса, монсеньор Корво покачал головой:

– Нет, с этой стороны все гладко. Архитектора сопровождал другой чиновник. А еще там присутствовал отец Оскар, викарий, который причастил и соборовал умирающего.

– А что насчет секретаря вашего преосвященства?

Архиепископ, прищурив глаза, выпустил облако дыма. До ноздрей Куарта донесся аромат английского табака.

– Это было самым тяжелым ударом. Отец Урбису работал со мной много лет. – Архиепископ помедлил, как будто раздумывая, не следует ли сказать еще что-нибудь о покойном. – Он был прекрасный человек.

Куарт медленно кивнул, словно лично знал отца Урбису

и разделял горе, причиненное его кончиной.

– Прекрасный человек, – повторил он, точно обдумывая это определение. – Говорят, он все время давил на отца Ферро от имени вашего преосвященства.

Это не понравилось монсеньору Корво. Он вынул трубку изо рта и хмуро взглянул на собеседника.

– «Давил» – слово малоприятное. И потом, это слишком уж сильно сказано. – Куарт заметил, что, пытаясь совладать с раздражением, архиепископ постукивает свободной рукой по краю стола. – Не могу же я сам ходить по храмам и спорить со священниками. Так что Урбису от моего имени вел переговоры с отцом Ферро, но тот уперся и стоял на своем. Некоторые их встречи проходили чересчур эмоционально, и даже отец Оскар однажды угрожал моему секретарю.

– Опять отец Оскар?

– Да. Оскар Лобато. У него было хорошее личное дело, так что я назначил его в церковь Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, чтобы подготовить замену старого священника, как в том фильме Бинга Кросби...

– «Идти своим путем», – подсказал Куарт.

– Так вот он тоже пошел своим путем. Через неделю мой «троянский конь» переметнулся на сторону противника. Разумеется, я принял меры... – Архиепископ взмахнул рукой, как бы сметая викария со своего стола. – Что же касается моего секретаря, то он продолжал навещать и церковь, и обоих священников. Я даже обдумывал такой вариант, как

отобратить у них образ Пресвятой Богородицы, слезами орошенной. Он, знаете ли, старинный, очень ценный. Но как раз в тот день, когда бедный Урбису собирался поставить перед ними этот вопрос, от потолка оторвался кусок карниза и разломжил ему голову.

– Расследование было?

Архиепископ смотрел на Куарта молча, зажав трубку в зубах. Он как будто не слышал вопроса.

– Да, – не сразу, но все-таки наконец ответил он. – Потому что на этот раз все произошло без свидетелей, а кроме того, я воспринял это как... В общем, как мое личное дело. – Он снова возложил руку на грудь, а Куарту вспомнились слова монсеньора Спады: «Он поклялся не оставить камня на камне». – Однако участвовавшие в расследовании пришли к одному и тому же выводу: ничто не указывает на то, что это было убийство.

– А может быть, просто не нашли доказательств?

– Такой вариант не исключен, но технически это было почти невозможно. Камень сорвался с потолка. Никто не мог сбросить его оттуда.

– Разве только само Провидение.

– Не говорите глупостей, Куарт.

– Я и не собирался, монсеньор. Я просто констатирую, что Вечерня не отходит от правды, утверждая, что отца Урбису убила сама церковь. Так же, как и того, другого.

– Это какая-то чудовищная бессмыслица. И это как раз

то, чего я опасаясь: придумывают горы разной сверхъестественной чуши, и мы завязнем в ней, как в кошмарах Стивена Кинга. Вокруг нас уже кружит один журналист, пренебрежительный тип, который всех замучил своими ссылками на историю. Если вам придется столкнуться с ним, остерегайтесь. Он возглавляет скандальный журналчик под названием «Ку+С», тот самый, что на этой неделе опубликовал фотографии Макарены Брунер в щекотливой ситуации с неким тореадором. Зовут этого субъекта Онорато Бонафе, и не подумайте, что это шутка⁴⁰.

Куарт пожал плечами:

– Вечерня возлагает вину на церковь. «Она убивает, чтобы защитить себя» – так он написал.

– М-да. Весьма впечатляюще. Только вот скажите мне: чтобы защитить себя – от кого? От нас? От банка? От нечистого?.. У меня имеются собственные соображения насчет этого Вечерни.

– Мы могли бы обсудить их, монсеньор.

Когда Акилино Корво терял бдительность, из его глаз так и полыхало презрение к Куарту. Вот и сейчас оно прорвалось на мгновение, прежде чем очередное облачко дыма из трубки вновь скрыло лицо архиепископа.

– Отрабатывайте свою зарплату сами. Вы ведь для этого приехали.

---

⁴⁰ Имя Онорато означает «честный, почтенный»; фамилию Бонафе можно перевести как «достоверность».

Куарт снова улыбнулся – образец учтивости и дисциплины.

– Тогда я попросил бы ваше преосвященство рассказать мне об отце Ферро.

В течение пяти минут, от затяжки до затяжки, тоном, в котором было весьма много пренебрежения и весьма мало пастырского милосердия, монсеньор Корво излагал биографию Приамо Ферро. Биографию простого, невежественного сельского священника, каким тот был почти всю свою жизнь. С двадцати с небольшим до пятидесяти четырех лет он отправлял службу в одной из глухих деревушек Верхнего Арагона – Богом забытом месте, где его прихожане, мало-помалу вымерев все до одного, оставили его не у дел. Последние десять лет он провел в церкви Пресвятой Богородицы, следами орошенной, оставаясь все таким же неотесанным, грубым и фанатичным – одним из тех, кому собственная точка зрения заменяет окружающую действительность.

– Вам, Куарт, стоило бы послушать одну из его воскресных проповедей, – сказал архиепископ. – Это настоящий спектакль. Отец Ферро все еще грозит грешникам адскими муками и вечным огнем – вот прямо так, открыто, по старинке, в выражениях, которые уже давно никто не осмеливается употреблять, и нагнал на весь приход такого страха, что всякий раз, как заканчивается его проповедь, по рядам слушателей пробегает вздох облегчения. И тем не менее, – заключил архиепископ, – при всей своей реакционности в

некоторых вопросах он оказывается даже чересчур прогрессивным. Я бы сказал, неуместно прогрессивным.

– Например?

– Ну, скажем, в вопросе о противозачаточных средствах, чтобы далеко не ходить за примером: он до наглости в открытую поддерживает их применение. Или вот: он не отказывается в совершении таинств гомосексуалистам, разведенным и прелюбодеям. Пару недель назад он окрестил ребенка, которого священник другого прихода отказался крестить, потому что его родители не состоят в законном браке. И когда этот священник явился к нему за объяснениями, он ему заявил: кого хочу, того и крещу.

За время этого монолога трубка его преосвященства погасла; он зажег другую спичку и взглянул на Куарта поверх язычка пламени.

– Одним словом, – проговорил он, – послушать мессу в церкви Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, – это все равно что совершить путешествие в машине времени, которую бросает то назад, то вперед.

– Могу себе представить, – отозвался Куарт, не позволяя себе улыбнуться.

– Нет. Уверяю вас, что этого вы не можете себе представить. Вот когда увидите все своими глазами... Часть мессы он служит на латыни – считает, что это внушает больше уважения. – Трубка наконец раскурилась, и монсеньор Корво удовлетворенно откинулся в своем кресле. – Отец Ферро

принадлежит к виду, ныне уже почти исчезнувшему: он из тех старых деревенских священников, из крестьян, которые принимали сан не по призванию, а только ради того, чтобы выбраться из бедности, из нищеты, и еще больше дичали в каком-нибудь дальнем, Богом забытом приходе. Прибавьте к этому невероятную гордыню, которая делает его неуправляемым и из-за которой в конце концов он совершенно потерял ощущение реальности, ощущение окружающего его мира... В иные времена мы либо немедля предали бы его проклятию, либо отправили в Америку, где, вероятнее всего, Господь Бог наш вскоре призвал бы его к себе по причине лихорадки, подхваченной где-нибудь в Дарьене, пока бы он там обращал туземцев, вколачивая в них христианские истины ударами распятия по спине. Но теперь приходится осторожничать, поскольку журналисты и политика неизмеримо осложняют все, что только можно.

– Почему же вы не отстранили его в связи с несоответствием занимаемой должности? Эта формулировка позволила бы вашему преосвященству убрать его тихо, не предавая гласности причины.

– Для этого требуется, чтобы он совершил преступление – гражданское или церковное, а он его не совершал. Кроме того, никто не гарантирует, что после этого он стал бы сговорчивее. Я предпочитаю, чтобы все шло обычным путем, в служебном порядке.

– Другими словами, монсеньор, пусть могилу выроет Рим.

– Вы сами это сказали.

– А что насчет отца Оскара?

Зубы, сжимавшие трубку, ощерились в весьма неприятной усмешке. «Не хотел бы я оказаться в шкуре этого викария», – подумал Куарт.

– О, тут совершенно другой случай, – заговорил архиепископ. – Неплохой культурный багаж, семинария в Саламанке. Многообещающее будущее, которое он зачеркнул собственной рукой. Как бы то ни было, с ним уже все решено. До середины будущей недели он должен покинуть приход. Мы переводим его в один храм в Альмерии – такая, знаете ли, пустынная сельская местность неподалеку от мыса Гата, – чтобы он там мог предаться молитве и размышлениям о том, сколь опасно бывает поддаваться порывам энтузиазма, свойственного молодости.

– А не он ли этот Вечерня?

– Не исключено. Во всяком случае, он мог бы оказаться им, если вы это имеете в виду. Но рыться в помойке – не дело архиепископа. – Монсеньор Корво преднамеренно затянул паузу. – Эту работу я оставляю Институту внешних дел и вам.

Куарт и бровью не повел.

– Чем он занимается в церкви?

– Выполняет обычные обязанности викария: прислуживает отцу Ферро во время обедни, сам проводит вечерние моления... А еще в свободное время помогает сестре Марсала

в качестве каменщика.

Кварт застыл на своем стуле. Мозаичная картинка, сложившаяся было у него в голове, начала рассыпаться на части.

– Простите, ваше преосвященство. Вы сказали: сестре Марсала?

– Да. Там есть некая Грис Марсала, монахиня из Соединенных Штатов. В Севилье уже не первый год. Она специалист – или, по крайней мере, говорят, что специалист – по реставрации религиозных памятников... Вы с ней еще не знакомы?

Прислушиваясь к постукиванию фрагментов, укладываемых на новое место, Кварт едва воспринял слова прелата. Так, значит, вот оно что. Вот откуда тот диссонанс, который он ощутил накануне в разговоре с этой женщиной.

– Познакомился вчера. Но я не знал, что она монахиня.

– Да, монахиня. – В тоне монсеньора Корво не прозвучало ни одной нотки симпатии. – Она, отец Оскар и Макарена Брунер – вот воинство донна Приамо Ферро. Сестра Марсала находится в Севилье как частное лицо. Она имеет соответствующее разрешение своего ордена и не подчиняется мне. У меня нет права заставить ее убраться оттуда. Я тоже, знаете ли, не могу перегибать палку, оказывая давление на священников и монахинь. Вообще, в этом деле все, так сказать, выходит за рамки.

Он выпускал клубы дыма один за другим, как кальмар, прячущийся за облаком собственных чернил. Наконец, бро-

сив последний взгляд на авторучку Куарта, он пожал плечами:

– Ладно. Я велю впустить отца Ферро. Я назначил ему прийти еще утром, но прежде мне хотелось переговорить с вами. Думаю, уже пора расставить все по своим местам, вам не кажется? Это будет нечто вроде очной ставки.

Архиепископ посмотрел – не протягивая, однако, руки – на кнопку звонка у себя на столе, возле потрепанного томика «Подражания Христу» Фомы Кемпийского.

– Последнее предупреждение, Куарт. Вы мне несимпатичны, но вы профессиональный священник, и вам так же хорошо, как и мне, известно, что даже в этой профессии сколько угодно посредственностей. Так вот: отец Ферро – один из них. – Вынув трубку изо рта, он обвел ею вокруг, указывая на стеллажи, заставленные фолиантами в кожаных переплетах. – Здесь собрана мысль Церкви – от святого Августина до святого Фомы, а также энциклики всех пап, от первой до последней. Все здесь, в этих четырех стенах, и лишь временно находится в моем ведении. Это вынуждает меня оперировать биржевыми ценностями и в то же время соблюдать обет бедности, заключать договоры с врагами, а порой обречь на гонения друзей... Каждое утро я сажусь за этот стол, чтобы с помощью Господа нашего управлять священниками – умными, глупыми, фанатичными, честными, занимающимися политикой, противниками безбрачия, злопыхателями, святыми и грешниками. Дело отца Ферро мы сами

потихоньку решили бы со временем. Но теперь вмешались вы – я имею в виду Рим: так сказать, явились на чужой бал со своей музыкой. Вот теперь и танцуйте под нее сами. *Roma locuta, causa finita*⁴¹. Я с этой минуты ограничусь ролью наблюдателя. Да простит меня Всевышний, но я умываю руки и предоставляю сцену палачам. – Он нажал на кнопку и сделал жест в направлении двери. – Не будем больше заставлять ждать отца Ферро.

Куарт медленно завернул колпачок ручки и спрятал ее в карман вместе с визитными карточками, исписанными его мелким, убористым почерком. Он сидел на краешке стула, прямой и неподвижный, как солдат на посту.

– Я руководствуюсь приказами моего начальства, монсеньор, – ответил он спокойно, – и точно выполняю их.

Его преосвященство сурово взглянул на него сверху вниз.

– Не хотелось бы мне заниматься тем, чем занимаетесь вы, Куарт, – проговорил он. – Клянусь спасением души, никак не хотелось бы.

---

⁴¹ Раз заговорил Рим, дело окончено (*лат.*).

IV

Аромат и горечь апельсинов

– Ну вот, вы видели героя, – заметил он. – А это стоит кое-чего.

Эккерман. Беседы с Гёте

– Полагаю, вы уже знакомы, – произнес его преосвященство.

Он восседал в своем кресле, откинувшись на спинку, и был похож на арбитра боксерского поединка, старающегося держаться подальше от бойцов, чтобы кровь не обрызгала его туфель. Куарт и отец Ферро молча смотрели друг на друга. Священник храма Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, не стал садиться на стул, который жестом предложил ему монсеньор Корво, и теперь стоял посреди кабинета, маленький, упрямый, со своим грубым, будто вытесанным из дерева или камня лицом, со своими белыми, кое-как подстриженными волосами, в своей старой, заштопанной сутане, из-под которой высовывались огромные нечищенные башмаки.

– Отец Куарт хочет задать вам несколько вопросов, – добавил архиепископ.

Ни одна морщина, ни один шрам не дрогнули на лице старого священника. Он смотрел в пространство – в некую

неопределенную точку его, находящуюся где-то между плечом прелата и окном, сквозь жалюзи которого смутно рисовался золотистый силуэт Хиральды.

– Мне нечего сказать отцу Куарту.

Монсеньор Корво медленно кивнул, как будто ожидал именно такого ответа.

– Очень хорошо, – проговорил он. – Но я являюсь вашим епископом, дон Приамо. И мне вы обязаны подчиняться. – Вынув трубку изо рта, он по очереди указал ею сперва на одного, потом на другого священника. – Так что, если для вас предпочтительнее такой вариант, вы будете отвечать мне, а вопросы вам будет задавать отец Куарт.

В тусклых темных глазах старика промелькнуло колебание.

– Это какая-то дурацкая ситуация, – резко возразил он, чуть поворачиваясь к Куарту, словно бы возлагая на него ответственность за происходящее.

На лице архиепископа нарисовалась неприятная усмешка.

– Согласен, дон Приамо. Но, прибегнув к этому иезуитскому приему, мы все будем удовлетворены. Отец Куарт выполнит свою задачу, я с удовольствием поприсутствую при вашем разговоре, а ваша неслыханная гордыня не пострадает – по крайней мере, формально. – Он резко, словно угрожающе, выпустил густой клуб дыма и поудобнее устроился в кресле, явно предвкушая, как насладится этим диалогом. – А теперь можете начинать, отец Куарт. Он ваш целиком и

полностью.

И Куарт начал. Он был суров, временами даже жесток, мстя старику за сухой прием, оказанный ему накануне в церкви, за враждебность, проявленную здесь, в кабинете его преосвященства, и почти не скрывая презрения, которое вызывал у него этот пожилой, упрямый, ничтожный деревенский священник, – просто потому, что был таким. Им руководило нечто более сложное, более глубокое, чем личная антипатия или дело, приведшее его в Севилью. И к вящему удивлению монсеньора Корво, да и к его, Куарта, собственному, он вел себя как прокурор, начисто лишенный милосердия, загоняя старика в угол последовательно, методично и безжалостно, с высокомерием и надменностью, подлинные причины которых были ведомы лишь ему самому. И когда наконец, отчетливо сознавая всю несправедливость происходящего, он остановился, чтобы перевести дух, ему внезапно пришло в голову, что его высокопреосвященство инквизитор Ежи Ивашкевич одобрил бы его поведение вплоть до мелочей. И эта мысль смутила его.

Остальные участники этой сцены молча смотрели на него. Архиепископ, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, хмурился, сжимая зубами трубку. Дон Приамо Ферро стоял неподвижно; после этого допроса, более уместного по отношению к какому-нибудь преступнику, чем к шестидесятичетырехлетнему священнослужителю, его глаза, устремленные на Куарта, были подернуты влагой – так бывает, когда чело-

век силится сдерживать слезы. Куарт поерзал на стуле и, чтобы скрыть испытываемую неловкость, принялся делать пометки на очередной карточке. Это было все равно что избивать человека, у которого связаны руки.

– Значит, так, – проговорил он наконец, на сей раз немного мягче, перебирая свои карточки безо всякой необходимости, только чтобы избежать взгляда старого священника. – Вы отрицаете, что являетесь автором послания, полученного Ватиканом; вы отрицаете также, что вам вообще был известен этот факт, равно как и личность и намерения автора упомянутого послания.

– Отрицаю, – повторил отец Ферро.

– Перед Господом? – быстро спросил Куарт, стыдясь самого себя.

Старик повернулся к монсеньору Корво, и тому ничего не оставалось, как прийти на помощь своему подчиненному. Покашляв, архиепископ поднял руку с пастырским перстнем.

– Пожалуй, мы не станем апеллировать к Всевышнему, если вы не против, отец Куарт. – Прелат предостерегающе глянул на него сквозь трубочный дым. – Полагаю, данный разговор не настолько ответствен, чтобы принуждать кого бы то ни было давать клятвы перед Господом.

Куарт, молча кивнув в знак согласия, снова повернулся к своей жертве:

– Что вы можете сказать мне об Оскаре Лобато?

Старик пожал плечами:

– Ничего, кроме того, что он замечательный юноша и достойный священнослужитель. – Его плохо выбритый подбородок едва заметно дрожал. – Мне будет очень жаль расстаться с ним.

– Ваш викарий хорошо знаком с информатикой?

Отец Ферро прищурился. Таким опасливым взглядом смотрит крестьянин на приближающуюся тучу, начиненную градом, от которой нечего ждать, кроме неприятностей.

– Об этом вам следовало бы спросить у него самого. – Он бросил взгляд на авторучку своего собеседника и осторожно указал подбородком на дверь. – Он там, ждет меня.

Кварт едва заметно улыбнулся. Он выглядел вполне уверенным в себе, однако во всем этом было нечто, лишившее его ощущения твердой почвы под ногами. Какой-то диссонанс, какая-то фальшивая нотка. Отец Ферро почти все время говорил правду, но в правду эту была вкраплена некая ложь: может быть, только одна, может быть, совсем незначительная, но разрушавшая целостность всей конструкции.

– А что вы скажете о Грис Марсала?

Губы старого священника сложились в жесткую складку.

– Сестра Марсала располагает соответствующим разрешением своего ордена. – Он посмотрел на архиепископа, словно ссылаясь на него как на свидетеля. – Она вольна приходить и уходить, и работает она тоже добровольно. Без нее здание давно бы уже обрушилось.

– Кое-что уже обрушилось, – вставил монсеньор Корво.

Он не сумел сдержаться; его явно одолевали воспоминания об обломке карниза и о своем покойном секретаре.

Кварт продолжал терзать священника:

– В каких отношениях с ней находитесь вы и викарий?

– В нормальных.

– Я не знаю, какие отношения вы считаете нормальными. – Кварт до миллиграмма рассчитал дозу презрения, вложенного в эти слова. – У вас, старых сельских священников, традиционно ошибочное понятие о нормальных отношениях с экономками и племянницами...

Краешком глаза он увидел, как монсеньор Корво чуть не подскочил в своем кресле. Ведь то, что сделал Кварт, было сознательной провокацией, имевшей вполне определенную цель. И реакция не заставила себя ждать.

– Послушайте... – Побелевшие костяшки сжатых кулаков старика выдавали охватившую его ярость. – Надеюсь, вы не... – Он внезапно замолчал и пристально всмотрелся в Кварту, словно желая до малейших деталей запомнить черты его лица. – Кое-кто мог бы и убить вас за это.

Угроза, прозвучавшая в его словах, вполне вписывалась в характер и образ отца Ферро – грубого, злого, взъерошенного, закованного, словно в броню, в свою замызганную сутану, которая так и ходила ходуном у него на груди от душившего его гнева. Может быть, даже он сам, говорил весь его вид. Впрочем, каждый волен был истолковать его реплику

по собственному разумению.

Куарт ответил старику взглядом, исполненным непоколебимого спокойствия:

– Вы имеете в виду вашу церковь?

– Ради Господа Бога! – негодуяще возвысил голос архиепископ. – Да вы оба просто с ума сошли!

Наступило затяжное молчание. Прямоугольник света на столе монсеньора Корво сместился влево, отдалившись от его руки, и сейчас лежал на томике «Подражания Христу», охватывая его яркой рамкой. Глаза отца Ферро теперь были устремлены на книгу. Куарт с интересом наблюдал за ним. Отец Ферро был очень похож на другого священника, на которого ему, Куарту, никогда и ни в чем не хотелось походить. На человека, которого ему почти удалось забыть – всего несколько редких писем или открыток, отправленных из семинарии, а потом молчание – и который призраком являлся в его воспоминания только тогда, когда южный ветер оживлял запахи и звуки, затаившиеся на самом дне его памяти. Море, бьющееся о скалы, сырой соленый воздух, дождь. Запах жаровни зимой, раскладной столик, *Rosa rosae, Quosque tandem Catilina abutere, Nox atrs cava circumvolat umbra*. Стук капель по затуманенному стеклу окна, звон колокольчика на заре и плохо выбритое, сальное лицо, склоненное над алтарем. Губы бормочут молитвы, адресованные тугому на ухо Богу, а глаза обоих – мужчины и ребенка, священника и служки – обращены на бесплодную землю, обрамляющую

жестокое море. И вечером, после ужина, то же самое. Вот чаша с кровью моей. Идите с миром. А потом глухое, тяжелое сопение, похожее на дыхание усталого животного, когда совсем юный Лоренсо Куарт помогал ему освободиться от тяжелого облачения в ризнице со сплошь испятнанным сыростью потолком. «В семинарию, Лоренсо. Ты поедешь учиться в семинарию и в один прекрасный день станешь священником, как я. Перед тобой откроется будущее, как оно открылось передо мной». Всеми силами души, всей своей памятью ненавидел Куарт эту тупость, эту духовную нищету, эту темную ограниченность. Утренняя месса, послеобеденный сон в кресле-качалке в душной, затхлой каморке, насквозь провонявшей потом, чашечка шоколада с богомолками, кот на крыльце, экономка или племянница, по мере возможности скрашивающая долгие годы одиночества. И наконец, финал этого бесплодного, ничтожного существования: старческий маразм, медленное угасание и уютная похлебка, проливающаяся сквозь беззубые десны на щетинистый подбородок. Ради вящей славы Божией.

– «Церковь, которая убивает, дабы защитить себя...» – Куарту пришлось сделать усилие, чтобы снова вернуться к настоящему и к Севилье – туда, где он находился в действительности. – Я хочу знать, как понимает эти слова отец Ферро.

– Не знаю, о чем вы говорите.

– Они фигурируют в послании, направленном кем-то в

Ватикан. А относятся они как раз к вашей церкви... Вы предполагаете, что во всем этом можно усмотреть перст Провидения?

– Я не обязан отвечать на этот вопрос.

Куарт взглянул на монсеньора Корво, но дипломатичнейшая из улыбок, на какую только был способен архиепископ, дала ему понять, что тот умывает руки.

– Это верно, – подтвердил прелат, явно наслаждаясь затруднительным положением римского гостя. – Мне он тоже не захотел ответить.

Это была пустая трата времени. Посланник ИВД понимал, что ничего не добьется, однако надлежало соблюсти ритуал. Поэтому самым официальным тоном он поинтересовался, отдает ли отец Ферро себе отчет, сколь многим рискует, ведя себя подобным образом. Вместо ответа старый священник лишь саркастически усмехнулся, и, казалось, все шестьдесят четыре прожитых им на земле года усмехнулись вместе с ним. Куарт невозмутимо продолжал – пункт за пунктом: он обязан составить доклад, установить, имеются ли основания для суровых дисциплинарных взысканий, и так далее, и тому подобное. Тот факт, что отцу Ферро остался всего лишь год до выхода на пенсию, сам по себе еще не означает, что вышестоящие инстанции обязаны проявлять к нему какую-то особую терпимость. Святой престол...

– Я ничего не знаю, – перебил его священник, всем своим видом показывая, что ему нет особого дела до Святого пре-

стола. – Это были просто несчастные случаи.

Куарт, усмотрев в его словах некий шанс, тут же подхватил:

– Может быть, происшедшие, с вашей точки зрения, как нельзя более кстати?

Этот вопрос он задал почти дружеским тоном, словно бы намекая, что если старик перестанет упираться, то можно будет как-то уладить дело. Но тот и не думал сдавать свои позиции.

– Вот вы тут говорили о Провидении. Задайте этот вопрос ему, а я помолюсь за вас.

Прежде чем предпринять очередную попытку, Куарт сделал пару медленных, глубоких вдохов. Более всего его раздражала мысль о том, что его преосвященство действительно вовсю наслаждается происходящим, сидя, так сказать, в первом ряду партера и надежно укрывшись за облаком трубочного дыма.

– Можете ли вы как священнослужитель, коим вы являетесь, с уверенностью утверждать, что ни одна из этих смертей не произошла по вине кого-либо из людей?

– Идите вы к черту.

– Что?!

Даже старавшийся соблюдать нейтралитет монсеньор Корво снова подскочил в своем кресле. Старый священник посмотрел на него.

– При всем моем уважении к вашему преосвященству я

отказываюсь участвовать в этом допросе, посему, начиная с этой минуты, я буду молчать.

«Начиная с этой минуты» – чистейшей воды эвфемизм, отметил про себя Куарт. Их разговор длился уже добрых двадцать минут, и все это время дон Приамо Ферро только и делал, что молчал. Монсеньор Корво в качестве ответа изобразил на лице некую гримасу и выпустил очередной клуб дыма: мол, в конце концов, в этом диалоге мое дело сторона. Куарт встал. Седая, кое-как подстриженная голова старика, так похожая на ту, которую он не хотел вспоминать, оказалась на уровне второй пуговицы его рубашки. Став священником, он всего лишь раз навестил родные места – наскоро повидаться с матерью да отдать долг вежливости черной тени, копошащейся в церкви, как моллюск в глубине своей раковины. Он отслужил там мессу – перед тем же самым алтарем, где столько раз прислуживал своему наставнику, но чувствуя себя чужим в этом сыром, холодном храме, по которому еще бродил призрак мальчика, одинокого перед лицом моря и секущего дождя. А потом он уехал, чтобы не возвращаться больше никогда; и постепенно церковь, и старый священник, и белые домики рыбацкой деревушки, и море – бесчувственное, не знающее ни милости, ни жалости, – стерлись из его памяти, подобно дурному сну, от которого он сумел пробудиться.

Он медленно вернулся к действительности. Все, что он ненавидел, находилось сейчас перед ним, жестко, непроща-

юще смотрело на него этими черными упрямыми глазами.

– У меня остался еще один вопрос. Только один. – Он спрятал в карман теперь уже ненужные визитки и ручку. – Почему вы отказываетесь покинуть эту церковь?

Отец Ферро взглянул на него снизу вверх – несгибаемый, неподдающийся, как кусок старой кожи. Впрочем, Куарт мог бы привести и другие сравнения.

– Это не ваше дело, – отрезал старик. – Это касается только меня и моего епископа.

Куарт медленно похвалил себя за то, что заранее угадал ответ, и жестом дал понять, что прекращает этот идиотский спектакль. Однако, к его удивлению, Акилино Корво пришел ему на помощь:

– Прошу вас ответить отцу Куарту, дон Приамо.

– Отцу Куарту этого не понять. Никогда.

– Он постарается, я уверен. Прошу вас, попытайтесь объяснить.

Лицо старика сморщилось, он упрямо мотнул неумело обкромсанной головой.

– Ему не понять, – буркнул он, – потому что вашему отцу Куарту никогда не доводилось слышать ни исповеди несчастной коленопреклоненной женщины, жаждущей утешения в своих бедах, ни плача новорожденного, ни прерывистого дыхания умирающего, чья холодеющая рука сжимает твою руку. Поэтому, проговори он хоть с утра до вечера, здесь никто не поймет ни единого распроклятого слова.

И Куарт, несмотря на дипломатический паспорт, лежавший в его кармане, на официальную поддержку курии, на тиару и ключи святого Петра, украшавшие левый верхний угол его верительных грамот, почувствовал, что не имеет ни малейшей власти над этим колючим, бедно одетым стариком, весь облик которого так разительно контрастирует с представлением о вящей славе Божией. На миг тревожной вспышкой промелькнул перед его мысленным взором знакомый призрак Нелсона Короны. Та же самая отстраненность от официальной действительности, та же решимость, что читалась в глазах старого испанского священника. С той только разницей, что во взгляде бразильца из-под запотевших стекол очков Куарт вместе с решимостью уловил страх, тогда как в тусклом взгляде отца Ферро отражалась лишь твердость: это было все равно что смотреть на поверхность темного камня. И вдруг, среди последних слов старика, уже готового снова заковаться, как в броню, в свое молчание, Куарт уловил: «окоп». Его церковь – это убежище, окоп. Живописное сравнение, подумал посланец Ватикана и, иронически подняв бровь, призвал на помощь все свое презрение к старому деревенскому священнику. Это удалось: он вновь почувствовал себя избранным – боевым конем перед рядовой пешкой. Призрак Нелсона Короны растаял где-то в углу архиепископского кабинета.

– Любопытное определение.

Куарт улыбнулся. Он снова был уверен в себе, снова ощу-

щал себя сильным, непоколебимым – никаких там угрызений совести. Он снова видел перед собой лишь потертую, в пятнах сутану и кое-как выбритый подбородок. Все-таки презрение – отличное успокаивающее средство, подумал он про себя. Оно все расставляет по своим местам, как таблетка аспирина, рюмка спиртного или сигарета. И он решился задать еще один вопрос:

– И с чем же вы воюете, сидя в этом окопе?

Напрасно он его задал; он понял это, еще не успев закрыть рот. Маленький ошетилившийся отец Ферро в упор взглянул на Куарта снизу вверх:

– С враньем. И с дерьмом. Благо хватает и того и другого.

В тени апельсиновых деревьев переминались с ноги на ногу в ожидании седоков лошади, запряженные в черно-желтые экипажи. Прислонившись к стене магазинчика, торговавшего сувенирами для туристов, Удалец из Мантелете наблюдал за входом в Архиепископский дворец. Руки в карманах незастегнутого клетчатого, чересчур узкого для него пиджака, белая водолазка обтягивает худую, но мускулистую грудь, зубочистка ритмично перемещается из одного уголка рта в другой, прищуренные глаза устремлены из-под иссеченных шрамами бровей на массивную дверь в обрамлении двух витых колонн в стиле барокко. «Не теряй его из виду», – приказал дон Ибраим, прежде чем войти в магазинчик, чтобы посмотреть открытки и прочую белиберду: стоя втроем

на тротуаре, они слишком привлекали внимание. Поскольку Удалец был человеком надежным, а ожидание что-то затягивалось, дон Ибраим и Красотка Пуньялес, пересмотрев под подозрительным взглядом продавца все «вертушки» с открытками, все выставленные на обозрение посетителей футболки, веера, кастаньеты, пластмассовые Хиральды и Золотые башни, решили переместиться в ближайший бар, находившийся на противоположном углу улицы; к моменту, о котором идет речь, Красотка допивала, пожалуй, уже пятую рюмку мансанильи. Так что Удалец, ввиду отсутствия новых распоряжений, не отрывал глаз от двери. За час с лишним, миновавший с тех пор, как высокий священник вошел в здание, он отвел их только дважды – когда мимо него проходила пара жандармов: один раз вверх по улице, другой раз обратно. В это время Удалец пристально рассматривал носки своих ботинок. Что ни говори, четыре полученных удара рогом, три срока в Легионе и туго ворочающиеся мозги, немало пострадавшие на своем веку, создают характер. Случись дону Ибраиму и Красотке Пуньялес забыть о нем, он вполне способен был бы простоять неподвижно, под палящим солнцем или дождем, не отводя глаз от двери Архиепископского дворца до тех пор, пока его не сменили бы на этом посту или он не свалился бы без сил. Точно так же, как тогда, двадцать с лишним лет назад, во время впечатляющей свалки на какой-то паршивой арене, услышав от своего менеджера: «Если тебя не прикончит бык, несчастный, тебя разорвет на

части публика на выходе», Удалец из Мантелете, с залитым потом лицом и страхом в глазах, повернулся к быку, держа красный плащ перед собой, на уровне пояса, и стоял так неподвижно до тех пор, пока этот зверь – его кличка была Мясник – не бросился на него и, нанеся ему четвертый, и последний за его карьеру удар рогом, не вынудил навсегда расстаться и с этой ареной, и с корридой вообще. И позже, когда он уже стал боксером, подобные же эпизоды добавляли ему шрамов – и телесных, и душевных. А потом был Легион и тюрьма в Пуэртоде-Санта-Мария. И если верно, что серое вещество Удальца из Мантелете обладало такими же интеллектуальными способностями, какими обладает полено или бревно, можно было с уверенностью сказать, что, во всяком случае, это полено или бревно того же сорта древесины, из которого природа создает героев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.